

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

СПУТНИК

И ДРУГИЕ ФАНТАСМАГОРИИ

Рэмси Кэмпбелл
Спутник и другие
фантазмагории
Серия «Легенды хоррора»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74259091

Спутник и другие фантазмагории:

ISBN 978-5-17-155121-6

Аннотация

Рэмси Кэмпбелл – один из самых заслуженных и оригинальных английских писателей, работающих в жанре ужасов. Перед вами первый том собрания его малой прозы, куда вошли лучшие рассказы, созданные Кэмпбеллом в период с 1960-х до начала 1990-х годов, многие из которых стали настоящей классикой хоррора.

Здесь призраки обретают осязаемую реальность, желание помочь старой женщине открыть дверь в ее собственный дом может привести к встрече с невероятным ужасом, причудливые монстры обитают в, казалось бы, самых безопасных и обыденных местах, а возвращение в родной городок способно обернуться чем-то похуже путешествия в Сайлент Хилл. Подлинно зловещая атмосфера, оригинальные и жуткие истории и настоящий, остающийся надолго кошмар – все это рассказы Рэмси Кэмпбелла, которые вы запомните навсегда.

Содержание

Шестьдесят лет в строю	5
Брэдмур	8
I	8
II	10
III	13
IV	15
V	17
VI	21
VII	23
VIII	27
IX	31
X	33
Спутник	50
Разрывающий завесы	69
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Кэмпбелл Спутник и другие фантазмагии

Copyright © 2008 by Michael Shea. All rights reserved.

©???????????????????? перевод, 2026

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Шестьдесят лет в строю

Приветствую вас, понтёры ¹! Пожалуйста, начните отсюда, если пожелаете, или можете прочесть одну-две истории. Вам оно не навредит. Представить отобранные самим автором рассказы, опубликованные за шестьдесят лет – такова была идея Пита; я имею в виду Пита Краутера, стоящего за издательством «PS Publishing». Он не требовал от меня длинного вступления, но все же поведаю кое-что о подоплёке включенных в эту книгу произведений, которые, полагаю, доставят вам некоторое удовольствие; на самом деле, риску предположить, они вам понравятся. Если не поспешите, узнаете кое-какие секреты, и потому умоляю не торопиться с вердиктом.

В детстве я был развит не по годам. Кажется, читать начал еще до того, как мне исполнилось два года, – не только стишки, напечатанные под каждой картинкой с приключениями медвежонка Руперта, но и абзацы, предназначенные для более искусного читателя, – и довольно скоро после этого перешел к Гансу Кристиану Андерсену и Джорджу Макдональду. Зрелость в чтении не гарантирует того же в собственном творчестве, в большей степени склонном демонстрировать жизненный опыт. Это, безусловно, замет-

¹ Понтёр – игрок, играющий против банкомёта. (Здесь и далее, если не отмечено иное, прим. пер.)

но по моим ранним текстам и выдает возраст автора. Когда мне было пять лет, я помучил публику виршами «Вэг – мой пес» (Wag is my Dog), опубликованными в детском разделе «Эха Ливерпуля», а два года спустя запятнал репутацию несколькими главами неоконченного романа «Черные пальцы из космоса» (Black Fingers from Space). Оба этих прискорбных образчика словесности можно найти в сборнике «Вероятно, Рэмси Кэмпбелл» (Ramsey Campbell, Probably), также опубликованном издательством «PS Publishing».

К одиннадцати годам я прочитал всю классическую литературу ужасов, которая тогда была в печати, а также много современных произведений. Думаю, я просто хотел воздать должное за удовольствие, доставленное некоторыми из них, и написать похожие истории – или вообразил, что такое мне по плечу. Результатом стали «Байки о призраках» (Ghostly Tales), моя первая законченная книга. Многие рассказы были состряпаны кое-как, собраны из фрагментов прочитанного, но самый длинный – «Брэдмур», написанный, когда мне было двенадцать, – обрел логичность благодаря подражанию конкретному прообразу. С содроганием признаюсь, откуда растут ноги у этого текста: по сути, из творчества Денниса Уитли, хоть последний абзац в разделе IX и стянут из рассказа Эдриана Росса «Клыки» (By One, by Two, and by Three). Текст представлен здесь в том виде, в каком написан, с сохранением пунктуации, орфографии и своеобразия, за исключением того, что позднее я дописал еще одну фразу в

финале, чтобы связать эту историю с той, которая расположена в сборнике далее. Фраза звучит так:

«Мне так и не удалось сразить еще одного призрака, не считая того, который был из Тауэра, и про него вы узнаете, если продолжите чтение». По всей видимости, часто повторяемое словечко «нечто» не настолько ужасно, как *«нечто»*, выделенное курсивом. Сдается мне, Дейзи Эшфорд никто не свергнет с пьедестала.

Брэдмур

I

Приезжай немедленно. Я в кошмарной западне.
Фрэнк.

Вот и все. Семь слов. Я прочитал письмо за чашкой кофе. Я частный детектив-экстрасенс, и такой род деятельности, разумеется, вынуждает иметь дело с множеством чудачков, одним-двумя пациентами психиатрической лечебницы и немалым количеством любителей устраивать розыгрыши. Но отправитель был моим близким другом; он не был связан ни с чем из перечисленного, кроме, может, последнего. Поэтому я все бросил и поехал как можно быстрее в загородный дом моего друга.

Пришлось спросить дорогу к его поместью, которое называлось Брэдмур. Единственным, к кому я смог обратиться, оказался старик, куривший старую глиняную трубку; не из тех штукоев, которые способны вызвать неудержимый восторг. Исходивший из нее дым вынудил меня задуматься о том, какими методами фермеры избавляются от излишков свиного навоза. Наверняка трубка была набита чем-то в этом духе.

В общем, я спросил его, как добраться до Брэдмура, и он ответил:

– Брэдмур? Ох, тамошний хозяин тот еще грубиян. Не надо вам туда, сэр. – И он выпустил облако густого дыма.

Но я сказал, что Фрэнк – мой друг, и, пробормотав что-то вроде «не узнаете вы своего приятеля», выпустив облако дыма, который повис в воздухе и проник мне в глотку, он дал указания, в которых я кое-как разобрался.

Наконец-то показался дом. Он был частично скрыт из вида скоплениями деревьев, которые хаотичным образом росли вокруг, но на кованых воротах у начала подъездной дороги я прочитал надпись, наполовину уничтоженную временем: «Б...ЭД...УР».

Надо мной по лиловому небу неслись облака, словно танцоры в зловещем балете. Я направил свой спортивный автомобиль на подъездную дорогу. Покинув его в конце пути, взошел на старое деревянное крыльцо и с грохотом постучался, воспользовавшись кованым дверным молотком.

С той стороны послышались неуверенные шаги. Затем дверь открылась. Я увидел мужчину с темными кругами под глазами и спросил:

– Мистер Барделл дома?

Это была фамилия моего друга. Тем вечером я впервые испытал потрясение, и по моей спине пробежали мурашки от ужаса.

Передо мной стоял Фрэнк Барделл собственной персоной.

II

Пламя в камине ревело, его раздувал ветер, завывающий в дымоходе. Дождь барабанил в окно, за которым деревья, точно зыбкие призраки, мотались туда-сюда под натиском бури. Мы с Фрэнком сидели по обе стороны от очага. Смутная тень ужаса, который я испытал при встрече с Фрэнком, не исчезла; напротив, ощущение усилилось, поскольку атмосфера в старом доме царила крайне зловещая, и что-то подсказывало мне, оно во многом изгадила ²из самого Фрэнка. Тем не менее, я скрывал свои чувства изо всех сил и в конце концов спросил его:

– Эта... западня, о которой ты упомянул – она сверхъестественная?

Он посмотрел на огонь, как будто видел там нечто большее, чем пляску языков пламени. Потом обратил взгляд на меня и сказал:

– Я не знаю, что она собой представляет. Я лишь осознаю ее присутствие, и оно меня страшит.

– Ты что-то слышал? Видел? Чувствовал?

– Я уже несколько недель слышу, как что-то движется, – ответил он. – Сперва нечто с грохотом катилось по старой заброшенной лестнице... есть такая, ведет в подвал... но, когда я туда заглянул, оказалось, что на лестнице нет света, и

² Орфография оригинала сохранена. – *Прим. авт.*

мне не удалось ничего увидеть. Затем появились голоса. Я не разобрал ни единого слова, но точно знаю, что это были именно голоса... мужские и женские, и звучали они словно целая толпа.

– Понятно, – сказал я. – И что, по-твоему, я должен предпринять по этому поводу?

Поначалу он решил, что я шучу, и даже рассмеялся, а потом при виде моего серьезного лица, проговорил, запинаясь:

– Т-ты же детектив-экстрасенс, верно?

– Да, – подтвердил я. – Но могу и отказать в предоставлении услуг. Ну, ты в курсе – «компания оставляет за собой право» и все такое прочее. И мне бы не хотелось вмешиваться в это дело. С другой стороны, я бы хотел у тебя переночевать, и когда начнется шум, пойду и выясню, в чем дело. Разумеется, если ты не против.

– Конечно, не против! – воскликнул он. – Я потому и написал! Постелю тебе в спальне рядом со своей.

– Кстати, – продолжил я, – уверен, что тебе больше нечего сказать? Вдруг есть какая-нибудь деталь, хоть отдаленно связанная с призраками в этом доме? Может, кто-то однажды поклялся, что после смерти не даст тебе покоя или что-то в таком духе?

– Нет, ничего подобного, – сказал он, а потом резко повернулся к окну. Дождь все еще стучал в стекло. Деревья по-прежнему изгибались и принимали странные формы, но Фрэнк Барделл увидел во тьме снаружи что-то еще.

Он вжался в спинку кресла, поперхнувшись от ужаса. Я подбежал к окну, однако увидел лишь причудливые очертания деревьев. Потом на миг мне показалось, что посреди угодий стоит мужчина; он был нагим, и было в нем что-то еще — я не смог понять, что именно. Затем я повернулся к Фрэнку, а когда вновь выглянул наружу, незнакомец исчез.

III

Окно в спальне дребезжало от воющего ветра. Я лежал в постели без сна и прислушивался к... любым звукам, будь то шаги или голоса. Но до моих ушей долетали только звуки ветра и дождя.

– Что-нибудь слышал? – голос Фрэнка звучал за дверью, соединяющей комнаты.

– Нет, пока ничего, – отозвался я.

– Я тоже.

Откуда-то снаружи донеслось уханье совы. Окно задрезжало, а потом... а потом где-то внизу хлопнула дверь. Вскочив с кровати, я заколебался на мгновение, прежде чем схватить свой заряженный серебряными пулями пистолет и крикнуть Фрэнку:

– Скорее! Оно здесь!

Затем я бросился на лестничную площадку.

На лестнице царил крошечная тьма, так что пришлось одной рукой держаться за перила, пока другой я достал фонарик, теряя драгоценные минуты. Но я бежал так быстро, как только мог, и луч фонарика трепетал во тьме. Фрэнк следовал за мной по пятам.

Теперь я отчетливо слышал голоса и шаги. Мы ворвались на кухню, ибо именно туда и вела заброшенная лестница.

Лестничный проем уставился на нас, как пустая глазница

черепа. Я посветил фонариком, но лестница была винтовая, и увидеть удалось лишь стену. И я начал спускаться. Фрэнк по-прежнему шел за мной.

Голоса смолкли, за исключением одного, пронзительного. Мы спускались все ниже, а этот голос продолжал вопить. Мы побежали все быстрее и быстрее... Затем ступеньки внезапно оборвались. Не было ничего, кроме десятифутовой ямы.

Я полетел вперед, в пустоту. Успел оглянуться и понял, что Фрэнк тоже не смог вовремя остановиться. Затем я ударился обо что-то твердое, и стало темно...

IV

Придя в себя, я обнаружил, что мои руки и ноги прикованы к полу. Повернув голову, увидел Фрэнка в таком же бедственном положении. Он тоже был в сознании.

– Это подвал? – спросил я.

– Я ничего не понимаю, – ответил мой друг, явно растерянный. – Это не тот подвал, который я увидел, когда спустился. Ради всего святого, где мы?

Тут я вспомнил, что хотел задать ему один вопрос.

– Что ты увидел в саду минувшим вечером, и почему оно тебя так сильно испугало? Я видел обнаженного мужчину.

– Я тоже, – ответил он, – но это еще не все... Слушай, судя по всему, мы здесь застряли надолго – не возражаешь, если я помучаю тебя одной историей?

– Вовсе нет, – сказал я. – Валяй, мучай.

– Итак, это случилось на первом курсе колледжа, – начал он. – Я, знаешь ли, учился в Кембридже. Однажды я оказался без гроша в кармане, но при этом мне требовались десять фунтов, чтобы срочно рассчитаться с кредитором. Я бродил по колледжу и в конце концов встретил студента, который назвался де Виллем. Он заявил, что готов дать мне десять фунтов в обмен на кое-что. Разумеется, я спросил: «Чего ты хочешь?» – и он, достав клочок бумаги и ручку, что-то на этом клочке написал. А потом вручил мне со слова-

ми: «Распишись вот здесь». Все выглядело довольно просто: лишь семь слов, но, Господи, какой ужасный смысл в них заключался. Там было написано: «Я продаю свою душу за десять фунтов». Я посмотрел на листок, затем на де Вилля. Перечитал написанное еще раз, заглянул на другую сторону, убеждаясь, что ничего не пропустил. Я чувствовал на себе взгляд де Вилля... у него, знаешь ли, глаза были черные, как уголь... Потом он сказал: «Ну что? Подпишешь?» Я снова взглянул на него и на две пятифунтовые банкноты, которые он держал в руке наготове, затем взял листок и ручку, подписал и отдал ему в обмен на деньги. Я думал, что на этом все закончилось. Но теперь уже не уверен. Тот мужчина, которого мы оба видели в саду, – де Вилль! У меня ужасное предчувствие по поводу всего этого.

Наверное, я побледнел; я самому себе казался похожим на призрака. Я понял, почему испытал смутное ощущение жути, когда увидел друга, и еще я осознал, где источник зла, которое от него изгадило ³. Все дело в том, что у Фрэнка Барделла не было души!

³ Какая красота, опять та же самая ошибка. – *Прим. авт.*

V

– Неужели нет никакого способа вернуть мою душу? – в ужасе крикнул он.

– Есть два, – сказал я. – Ты можешь исповедоваться священнику римско-католической церкви, потом каким-то образом добыть ту бумагу, которую подписал, и сжечь в присутствии того же самого святого отца.

Предложенный вариант ему не понравился, поэтому я рассказал об альтернативе.

– Ты должен взять определенную сумму денег... в твоём случае – десять фунтов... и, сидя с ними в пентаграмме, снова и снова повторять: «Я выкупаю свою душу за десять фунтов». – Потом я мрачно добавил: – Разумеется, если мы отсюда однажды выберемся.

– Взгляни-ка! – воскликнул он, нащупав что-то в кармане. – Напильник! Я собирался отпилить замок на двери кладовки, потому что его заклинило, но мне и в голову не пришло, что эта штука окажется кстати!

Фрэнк наклонился и начал яростно пилить.

Вскоре он освободил и себя, и меня. Мы направились к лестнице, как вдруг перед нами выросла стена пламени. Но я сказал Фрэнку: «Быстрее! За мной!» – и побежал прямо в огонь, повторяя «Отче наш» так громко, как только мог.

Пламя зашипело и погасло. Но вместо него на полу, менее

чем в футе от меня, обнаружилась громадная жаба. Я называю это создание жабой, потому что именно на таковую оно походило сильнее прочего, хотя на самом деле не принадлежало ни к одному из видов живых существ, о каких знает мир. Создание провело языком по губам, если это были губы, и уставилось на нас с Фрэнком немигающими глазами, лишенными век. У него была покрытая слизью шкура, которая местами разложилась, обнажая влажную красную плоть. В жизни не видел ничего более мерзкого и непристойного, чем эта Тварь.

Чтобы добраться до лестницы, нам пришлось пройти мимо Твари. Гадая, неуязвима ли она, я выстрелил из пистолета, заряженного серебряными пулями. Пуля угодила в цель с негромким хлопком. Но Тварь лишь бросила на нее взгляд, лениво выковыряла передней лапой, плюнула и швырнула обратно в меня.

Затем она рассмеялась... резкий, скрежещущий смех пробудил эхо в просторном помещении.

Отзвуки «Отче наш» также звучали, когда я подошел к Твари с протянутыми руками. Когда мои руки почти коснулись ее морды, она завопила в ужасе и исчезла. Мы продолжили идти к лестнице, как вдруг раздался тихий, приятный и настойчивый голос.

– Тебе нужен тот документ? Он у меня, подойди и забери.

– Не смотри, Фрэнк! – выпалил я. – Он заманивает тебя в ловушку! Не смотри ему в глаза!

Но было уже слишком поздно; Фрэнк шел к де Виллю – обнаженному мужчине, которого я видел на территории Брэдмура, и еще я понял, что с ним было не так – он не отбрасывал тени.

Есть слово, которое побеждает любое зло; оно известно немногим, но, к счастью, я из их числа. Среди немалого количества экстрасенсов с причудами, какие мне встречались по долгу службы, был один магистр Храма; фактически, Ипсимумс⁴. Он строго по секрету поведал мне это Слово на случай, если я столкнусь с чем-то воистину злым. В нем пять слогов, и оно изверглось потоком из моих уст. Я не вправе его разглашать.

Синий свет, недолго померцав вокруг моих пальцев, ринулся в сторону де Вилля. Узрев его, тот издал сдавленный крик и исчез.

Фрэнк, вздрогнув, вышел из ступора, и мы побежали к лестнице. Преодолев всего пару десятков ступеней, оказались в подвале. Теперь-то мы поняли, почему Фрэнк не знал о существовании этого места под своим домом.

Тут Фрэнк встревоженно прошептал:

– Прислушайся!

Но ему не нужно было меня предупреждать, я и так все слышал не хуже него. До нас донесся звук: как будто вверх по лестнице волокли мокрую тряпку, а потом кто-то мерзко

⁴ Как и многое другое в рассказе, я позаимствовал это у Денниса Уитли, но верное написание слова – Иписсимумс. – *Прим. авт.*

захихикал. Я увидел на ступеньках нечто темное: оно быстро поднималось, оставляя за собой зеленый слизистый след. Тварь была похожа на гниющую жабу – возможно, ту самую, которую я попытался изгнать. Я произнес Слово, и существо исчезло в огненной вспышке. Осталась только лужа зеленой слизи.

Больше нас никто не преследовал, и в доме воцарилась тишина. Мы заперли за собой все двери и легли спать.

VI

На следующее утро я отправился в деревню купить немного мела, проигнорировав стенания Фрэнка о том, что если он покинет дом, де Вилль, скорее всего, уничтожит имение, а если не покинет – убьет его самого; так или иначе, я заверил друга, что никакое зло – даже де Вилль – не в силах действовать днем. В конце концов, после долгих пререканий, он меня отпустил.

Вернувшись, я обнаружил его лежащим на диванчике с мертвенно-белым лицом. Когда я спросил, что случилось, Фрэнк ответил:

– Я уже около получаса пытаюсь прочитав «Отче наш», но у меня не получается! Слушай...

«Отче наш, сущий на...» – и это было все, что он мог произнести. Я впервые почувствовал жалость, а не отвращение к этому человеку без души.

– Самое ужасное, – сказал Фрэнк, – что я могу прочитав ее задом наперед! Это... делает мое положение еще хуже?

По выражению моего лица он понял, что так и есть. Я наверняка побелел, как призрак. «Отче наш», произнесенный задом наперед, – худшее свидетельство отрицания веры в Господа, какое способен предоставить человек. Де Вилль, бесспорно, вдоволь позабавился с его душой – хотя, разумеется, Фрэнк мог и по собственной воле перейти на сторону

Преисподней, ведь я ни тогда, ни сейчас не знал, чем он занимался в дальнейшем.

– Вижу, что делает, – надтреснутым голосом произнес он. – Ну ладно. Ты нашел то, что искал?

– Да, – ответил я. – Но надо подождать до вечера...

И тут на меня снизошло жуткое озарение. Я побежал к висевшему на стене календарю и посмотрел на дату. Потом, чтобы убедиться, нашел нужную страницу в своем ежедневнике. Дата была одна и та же, и ужасная правда обрушилась на меня.

Сегодня была Вальпургиева ночь!

VII

Осознав истину, я оцепенел, не в силах даже моргнуть. Сегодня была Вальпургиева ночь – та самая единственная ночь в году, когда, согласно старым гримуарам и легендам, зло обретало свободу и возможность бродить по земле, делая все, что ему заблагорассудится. И я понял, что это значит. Эта ночь давала Фрэнку наилучшую возможность вернуть свою душу, однако все освобожденное зло могло ему противостоять. И все-таки Фрэнку было бы чрезвычайно легко дотянуться до своей души, ибо, согласно поверью, все неприкаянные души также выпускали ⁵из темницы странствовать по миру. Я рассказал обо всем Фрэнку, и на его лице появилась гримаса беспокойства.

– Я проведу ритуал, – сказал он наконец. – Ты признал, что этой ночью у меня больше всего шансов вернуть душу, и ничто из сказанного тобой не помешает мне совершить церемонию.

– Ладно, – сказал я. – И поскольку у меня есть все необходимое, чтобы соорудить две пентаграммы, я останусь на эту ночь у тебя. Но завтра, независимо от того, вернется ли твоя душа в тело или нет, я покину Брэдмур, и ничто из сказанного тобой не помешает мне это сделать. И я бы посоветовал тебе поступить так же; если все-таки уйдешь или останешься –

⁵ Видимо, «на свободу», но только не в рукописи. – *Прим. авт.*

ся, пообещай замуровать лестницу. Если не пообещаешь, я уничтожу все оснащение, какое привез, и тогда ты не сможешь вернуть свою душу. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Фрэнк, и я понял, что он говорит серьезно. — Клянусь именем... именем... — Он не смог договорить, но знал, что в его собственных интересах сдержать слово.

Затем я увидел нечто такое, от чего у меня кровь застыла в жилах. К окну прижалось лицо — так сильно прижалось, что стало похожим на плоскую маску. Мне не нужно было приглядываться, чтобы понять, что это де Вилль. Но волосы у меня встали дыбом не от лица как такового, хоть оно и было отмечено печатью разложения, распухло от скверны. Нет, дело было не только в лице. Прямо над заостренными ушами виднелись изогнутые рога...

Жуткая тварь, явившаяся столь открыто, оказалась непосильным бременем для Фрэнка. На этот раз он не вскрикнул, а согнулся пополам и рухнул на пол.

Я сходил за водой, чтобы привести его в чувство. Идя по коридору с чашкой воды, я услышал, как в комнате, где лежал Фрэнк, тихонько приоткрылось окно.

Я подошел к двери. Судя по звукам, что-то пролезло сквозь окно и с глухим стуком упало на пол.

Затем раздался еще один звук падения, на этот раз более мягкий... как будто шлепнулась мокрая тряпка.

Я толкнул дверь. Она открылась бесшумно. Я вошел и

увидел де Вилля, стоявшего рядом с бесчувственным телом Фрэнка, а позади визитера был кто-то еще.

Оно... я не знаю, с каким из обитателей этого мира можно сравнить это существо, разве что с медузой. Но у медузы нет ног и нет глаза, торчащего на стебельке из центра тела.

Де Вилль отступил и пробормотал какие-то странные слова. Я не Ипсиссимус ⁶, поэтому их смысл остался для меня тайной. Но это совершенно точно был некий приказ, адресованный Твари, ибо она начала двигаться к Фрэнку.

Ступая по-прежнему бесшумно, я подошел к столу, на котором стояла фляжка со святой водой. Тварь была сосредоточена на Фрэнке, а де Вилль стоял ко мне спиной. Я отвинтил крышечку и плеснул на Тварь святой водой.

Эффект наступил тотчас же. Тварь распалась на облако сверкающих атомов, а фляга со святой водой опустела. Но от де Вилля это не избавило. Он повернулся ко мне и закричал: «Проклинаю тебя во имя...» Договорить, однако, не успел. Я в мгновение ока вытащил из кармана небольшое золотое распятие, которое всегда ношу с собой, и швырнул в его злобную физиономию, изуродованную гниением. Он издал жуткий вопль и исчез в клубах дыма. На миг я узрел нечто еще, неопишимо мерзкое, а потом в опустевшей комнате остались только мы с Фрэнком, по-прежнему без сознания. Снаружи, где-то посреди вересковой пустоши, завывала собака.

В остальном повсюду царила тишина.

⁶ Вот теперь правильно. — *Прим. авт.*

Фрэнк застонал и попытался встать. Я помог ему добрат-ся до диванчика, где он отдыхал, пока я сооружал две пентаграммы.

– Итак, – спросил я его, – у тебя есть при себе десять фунтов?

Он проверил и кивнул, помахав деньгами у меня перед носом.

– Ладно, – сказал я. – Теперь тебе вот что нужно сделать. Возьми эти деньги и просиди с ними в пентаграмме всю ночь. Когда что-нибудь придет – а оно обязательно придет, – ты должен показать ему деньги и заявить, что хочешь выкупить свою душу. Ты меня понял?

Он заверил меня, что понял, и тут солнце скрылось за горизонтом. Мы подошли к своим пентаграммам, и я услышал, как Фрэнк отчаянно пытается прочесть «Отче наш».

Ночь обещает быть долгой, подумал я.

VIII

Вы когда-нибудь сидели в пентаграмме в Вальпургиеву ночь? Поверьте мне, это не то, что стоит посоветовать человеку с неуравновешенным темпераментом. Та ночь в Брэдмуре навсегда меня изменила; на самом деле, я бы, вероятно, не сидел сейчас здесь и не записывал этот рассказ, если бы не Провидение, которое спасло меня от ужасной участи, уготованной жрецами дьявола, или еще чего похуже.

Ночь была бурная. Над вересковыми пустошами рокотал гром, и его отголоски терялись среди окрестных холмов. Выли собаки, ухали совы, и где-то на болотах гулко кричала выпь. Фрэнк бормотал: «Я выкупаю свою душу за десять фунтов... я выкупаю свою душу за десять фунтов... я...»

И тут началось. Мне померещилось, что комната наполнилась шепотами: чьи-то голоса произносили непристойности, пытаясь и меня склонить к таковым. Но я зажмурился и представил себе распятого Христа. Шепот сперва затих, а потом прекратился совсем.

Очевидно, Фрэнк продолжал слышать эти шепоты, ибо говорил уже не о своей душе, а о совершенно иных вещах. Не имея души, он не понимал смысла непотребства и не мог ему сопротивляться.

Я крикнул:

– Фрэнк, заткнись! Вспомни о своей душе!

Услышав это, он замолчал, а потом вновь начал повторять ту фразу, которую я велел ему говорить вслух.

Что-то загудело. Внезапно, без всякого предупреждения, раздался смех. Он был медленный и ритмичный, и от него задрожал сам воздух. Смех звучал, будто хор безумцев, которые к тому же были невидимы. Это было ужасно. Лицо Фрэнка побелело, из уголка рта потекла струйка слюны. Он попытался выбраться из пентаграммы, но что-то его удержало.

На этот раз я произнес нужное Слово. Смех перешел в визг и затих.

Фрэнк вытер лоб и попытался притвориться, что ему не страшно. Но он боялся, как и я сам.

Мне показалось, что пришла медуза, но через минуту она исчезла. Затем совершенно неожиданно электрический свет, который был включен, потускнел и погас. Мне в лицо подул горячий ветер, и раздался визг. Кто-то трижды громко постучал в окно, и когда визг повторился, набирая силу, оно начало открываться.

Темноту вновь рассеял свет, но не электрический. Он исходил из окна, и порождало его пламя. Сперва я подумал, что дом горит, но потом осознал свою ошибку: это оказался не настоящий, а неземной огонь, в центре которого был заключен многогранный драгоценный камень – он словно корчился в страшных муках, и я понял, что передо мной душа Фрэнка, пытающаяся вернуться в свое тело. Но затем рука, лишенная плоти длань скелета, проникла в пламя и схвати-

ла душу, утащила ее сквозь огонь обратно в запредельную пустоту, где души проклятых вечно воют. И я услышал, как Фрэнк сдавленно всхлипнул от страшной боли, когда рука унесла его душу.

– Держись! – подбодрил я его. – Вальпургиева ночь только началась.

– Знаю, – ответил он. – Это-то меня и беспокоит.

Снова стемнело, и вдруг в окно с грохотом влетело нечто. Я слышал, как оно урчит и рычит, и от этих звуков у меня кровь застыла в жилах. Но все, что я мог видеть – смутное пятно чуть более густой темноты и два красных глаза, которые как будто светились. Вернулось сияющее пламя, и его свет озарил Чудовище. С той поры я такого ни разу не видел и не желаю видеть.

Однако в тот момент я понял, с чем имею дело. Это был *chien de feu*, огненный пес, адская гончая!

Он запрокинул голову и залаял, а потом устремил на меня злобный взгляд. Когда пес проделал это снова, я схватил одну из фляг со святой водой и плеснул ему в глотку.

И опять силы Добра восторжествовали над силами Зла. Тварь растаяла, и раздался голос Фрэнка:

– Джон! Берегись! Оно сзади! Осторожно!

Я обернулся. Позади ничего не было, но там, куда я смотрел мгновение назад, что-то украдкой шевельнулось. Резко повернувшись, я узрел фиолетовое лицо, парящее в воздухе в непосредственной близости от меня. Слово избавило меня

от этого существа.

– Кто кричал? – спросил Фрэнк.

– Разве это был не ты? – ответил я.

– Нет, – сказал он. – Несомненно, это была еще одна Тварь из тех, которые охотятся за мной. Если они могут имитировать мой голос, кто знает, на что еще они способны?

За спиной Фрэнка раздался жуткий вопль. Он дернулся... и опрокинул один из сосудов со святой водой...

В воздухе материализовалось лицо де Вилля и чуть позже – его обнаженное тело. По другую сторону пентаграммы возникло нечто жуткое, источающее зеленый свет. У существа не было лица. Внезапно вокруг Фрэнка обвилась змея, а над ним возникла рука скелета, сжимающая светящийся нож. Кошмарные твари ополчились на него...

Мой разум неожиданно погрузился во тьму, и я больше ничего не увидел.

IX

Я был драгоценным камнем, который парил в гудящей пустоте. У меня не было ни чувств, ни эмоций; я не мог говорить, только думать. Я сказал себе, ничуть не дрогнув, что я мертв.

Оказалось, я способен перенестись в любое место быстрее скорости света. Я перенесся без малейших затруднений в подвал Брэдмура. И там узнал правду. Голоса. Шаги по заброшенной лестнице. Тот факт, что наступила вальпургиева⁷ночь.

Фрэнк не знал, что Брэдмур был местом проведения Великого шабаша!

Шаги и прочие звуки производили ведьмы и жрецы дьявола, несущие инвентарь для Черной мессы к месту встречи. Они знали, что Фрэнк продал душу и не сможет обратиться к Силам Добра за помощью. Но понятия не имели, что он мог написать другу, который знает, как уничтожить Зло.

И все-таки я его не спас и уже не мог спасти, поскольку был мертв.

Под Брэдмуром ведьмы поместили на алтарь девушку, собираясь принести ее в жертву мерзкому божеству, которому поклонялись. Я увидел Тварь рядом с алтарем: у нее было тело старика в черной мантии, покрытой сатанинскими сим-

⁷ В рукописи заглавная буква отсутствует. – *Прим. авт.*

волами, но голова волка, с клыков которого капали кровь и слюна. Он шагнул к жертве – девушке, вероятно, ничего не знавшей о черной магии и сатанизме. Если бы она хоть что-то знала, смогла бы защититься.

Я постарался окружить ее барьером божественной защиты. «Господи, не дай ей умереть. Она так молода и красива». И почти сразу же огромный белый голубь слетел с небес и опустился на алтарь. Обхватив ее крыльями, он исчез сквозь стену. Стервятник, излучающий зловещий красный свет, попытался последовать за голубем, но белая молния сбила его на лету.

Темнота начала рассеиваться, внутренний свет померк. Моя душа совершенно необъяснимым образом возвращалась в тело.

Затем у меня возникло ощущение, что в пустоте я не один. В моем сознании прозвучал гулкий голос: «Ты сделал все, что мог. Твоей наградой будет то, что ты не умрешь. Ночь завершилась, и ты вернешься в свое тело...»

Я был в пентаграмме, и едва забрезжил восход. Я окинул комнату взглядом и... оцепенел, увидев вторую пентаграмму.

Прямо внутри нее лежала кучка пепла – такая, что может получиться из банкнот, подвергшихся воздействию адского пламени. Фрэнк лежал на спине в центре пентаграммы. Я не увидел ни ран, ни каких-либо отметин. Но он был мертв!

X

Конечно, было проведено дознание. Но вердикт гласил «Смерть от естественных причин», а в моих показаниях не было ничего из описанного выше. Меня бы в любом случае просто сочли безумным.

А де Вилль? О нем никто ничего не знает, но я рискну предположить. Думаю, на время своего короткого пребывания на земле он мог взять имя Ле Нуар или, быть может, Анатас.

Я считаю, что хоть силы Добра на нашей стороне, сближаясь со злом следует проявлять осторожность. Когти скверны могут глубоко вонзиться в человеческую плоть.

Что касается меня, то я – банковский клерк. Это скучная работа, но, по крайней мере, я в относительной безопасности от де Вилля.

* * *

Примерно в то же время я опубликовал «Полуночную встречу» (Midnight Appointment) в журнале Школы Святого Эдуарда, и представляю вам этот рассказ, извлеченный из могилы. Среди других материалов, опубликованных учениками, были «Техника пластической хирургии» и «Является ли Франсуа Мориак представителем „рассерженной молодежи

жи“?».

* * *

Шагая по безлюдной дороге, Морис Грант думал о знакомстве с новым другом Роджером, состоявшемся всего неделю назад в привычном для таких вещей месте – у башни с часами. Первый же обмен фразами пробудил в нем симпатию к Роджеру. А позже, когда выяснилось, что оба читали истории о призраках, изучали паранормальные явления и были убеждены, что в часах может обитать сверхъестественная сила, они стали закадычными друзьями.

Жаль, подумал Морис, что он не спросил у Роджера адрес. Если бы спросил, мог бы показать ему книгу, взятую из библиотеки – «Нерассказанные истории о призраках». Но с той первой встречи они ни разу не видели друг друга.

Луна то и дело пряталась за облаками, но даже в лучшие моменты давала не так уж много света, поскольку стояло нолуние; время от времени он слышал позади себя тихий шелест, но это была всего лишь дорога, усыпанная опавшими по осени листьями. Ветер шуршал в кустах и вынуждал гротескные силуэты деревьев двигаться и стонать, как будто каждое из них было живым существом.

Наконец – казалось, прошла целая вечность – он добрался до башни. Роджер его опередил и, похоже, побывал внутри, потому что дверь осталась приоткрытой. Он повернулся и

распахнул ее пошире, от чего скрипнули петли. Они вошли, и как только Морис поставил ногу на первую ступеньку винтовой лестницы, заухала сова. Это был зловещий заключительный штрих.

Они добрались до вершины без происшествий, хотя луна обзавелась дурной привычкой прятаться за облаками всякий раз, когда они теряли друг друга из вида на очередном витке лестницы. Не было никаких следов призраков. Морис взглянул на часы: наступила полночь.

– Согласно моим наручным часам, уже двенадцать... – проговорил он.

И тут раздался бой больших часов. Громкие звуки следовали один за другим, обрушиваясь на все вокруг, пробуждая в башне эхо и оглушая двух мальчиков. Теперь-то Морис понял, почему сбежавший из расположенной неподалеку тюрьмы заключенный, будучи найденным в башне спустя двое суток, оказался буйнопомешанным.

Роджер повернулся и побежал вниз по лестнице, забыв о порождениях тьмы. Поскольку Морис был дальше от двери, он отстал примерно на три ярда, и Роджер скрылся за поворотом. Внезапно Морис услышал, как Роджер вскрикнул, а потом завопил, и что-то тяжелое ударилось о ступеньки. Морис попытался убедить себя, что Роджер, возможно, упал и сильно ушибся, но у него мелькнула мысль, крохотная мыслишка: а вдруг это было нечто... нечто неназываемое?..

– Роджер? Роджер? – позвал Морис.

Он завернул за угол, и луна неожиданно скрылась за облаком. Он двинулся вперед; заметил на следующей ступеньке что-то темное. Шагнул вперед и...

Оно шевельнулось, Морис потерял равновесие и кувырком прокатился до следующей лестничной площадки.

Когда он с трудом поднялся на ноги, снова показалась луна, и лестница была залита зловещим светом. Он оглянулся, желая увидеть, обо что споткнулся. Оно было озарено лунным светом в достаточной степени, так что ошибки быть не могло; увиденное заставило Мориса оцепенеть от ужаса и шока. Волосы у него встали дыбом, а зубы застучали.

Роджер лежал на ступеньках, на его горле зияла огромная дыра, из которой сочилась кровь. Рядом присел темный силуэт, шаря у него по карманам. Незнакомец был к Морису спиной, но тот увидел, что это мужчина в очень потрепанной одежде. Когда Морис вышел из ступора, вызванного зрелищем, убийца внезапно обернулся и увидел его. Он что-то пробормотал себе под нос, схватил лежавший рядом нож и ринулся к Морису.

Морис лишь мельком увидел питьевой фонтанчик в углу – судя по следам крови, там убийца мыл оружие преступления в тот момент, когда Морис споткнулся, – а потом побежал вниз по лестнице со всех ног, как будто рассчитывая никогда не останавливаться. Затем ощутил на лице прохладное дуновение и выскочил наружу, и все равно в голове у него была одна мысль – бежать, бежать... Тут нечто черное вы-

скочило из темноты с визгом и скрежетом тормозов, и Морис почувствовал удар. Тьма обрушилась на него, и...

**Вырезка из «Дейли Ньюс», 28 сентября 1957
года МАЛЬЧИК УБИТ В ЧАСОВОЙ БАШНЕ**

Роджер Хикс, мальчик из Сент-Роландс-Райшира, был убит прошлой ночью в деревенской часовой башне незадолго до полуночи. Предположительно, причиной убийства стало ограбление.

* * *

Пытался ли Джей Кэмпбелл из класса II-альфа проработать все жанровые клише в одном рассказе? До чего же любопытное место действия: дорога, которая шелестит в связи с наступлением осени. Возможно, редактору (некоему брату Коффи) стоило обратить на это внимание, а не исказить ключевую фразу. Весь смысл, уж какой был, заключался в предпоследнем предложении, но редактору, очевидно, не нравились истории о призраках, и сообразно его воле убийство случилось вскоре после полуночи. Таков был мой первый опыт столкновения с редактурой. Позже случались вещи и похуже.

По настоянию мамы я стал посылать «Байки о призраках» издателям — единственный экземпляр, «напечатанный» пером и тушью и проиллюстрированный цветными каранда-

шами самым разносторонне одаренным автором. Разумеется, никто не принял сборник к публикации, хотя Том Бордман-младший прислал мне поразительно ободряющее письмо. В течение следующих двух лет я написал несколько коротких рассказов, ни в одном из которых не проявился сколь бы то ни было заметный авторский стиль, и заметался в поисках более надежных примеров для подражания. Я закончил несколько глав трилогии («След нарга» (The Trail of the Narg), чей заключительный том назывался бы «Расколота луна» (The Broken Moon)), в том числе главу, в которой пытался имитировать Мэkena, а потом открыл для себя «Три гроба» Джона Диксона Карра, чью атмосферу и таинственность попытался воссоздать в романе «Убийство при лунном свете» (Murder by Moonlight). Я забросил это дело, написав примерно пятьдесят страниц, но где-то через год попытался еще раз, начав новый черновик с нуля (кстати, я открыл преимущества переписывания еще до того, как мне это посоветовал Август Дерлет). В работе над этой версией мне удалось добиться куда большего, и все же на полпути я сдался. Кое-что в этом тексте выдает влияние Лавкрафта, проистекающее из первых британских изданий сборника «Крик ужаса!» (Cry Horror!) в мягкой обложке. Второй вариант «Убийства при лунном свете» – основа моей повести «Загадка плоского полицейского» (The Enigma of the Flat Policeman), которая вышла в издательстве «Borderlands Book».

Мои первые лавкрафтовские рассказы вы найдете в полном издании от «PS Publishing», сборнике «Обитатель озера и другие незваные гости» (The Inhabitant of the Lake and Other Unwelcome Tenants), а все мои более поздние короткие произведения аналогичного рода собраны в «Видениях из Бричестера» (Visions from Brichester), также опубликованных «PS Publishing». Самые ранние из них, по-видимому, представляют собой отработку его разнообразных методик, от цветистого стиля до документальной сдержанности, однако в апреле 1962 года я получил отредактированный Дерлетом рассказ «Церковь на Хай-стрит» (The Church in High Street), и это сподвигло меня начать поиски собственного подхода. Результатом стал «Разрывающий завесы» (The Render of the Veils), включенный в этот сборник, чтобы продемонстрировать, какими были моя первая книга и поиск авторского стиля.

Я заканчивал последний рассказ в «Обитателе», когда открыл для себя Набокова. «Лолита» стала откровением, высвободившим те аспекты языка и повествования, которые я немедленно захотел опробовать в деле. Несколько попыток обрести собственный голос привели в 1965 году к написанию «Подвалов» (The Cellars) – я считаю этот текст своим первым весомым рассказом, не в последнюю очередь потому, что в нем отражен Ливерпуль соответствующей эпохи. Эти подвалы находились под Рамфорд-плейс, и мой старый друг-книготорговец Джон Роулз обратил на них мое внимание.

Некоторые части рассказа были написаны во время моих обеденных перерывов в Лондонском провинциальном налоговом управлении № 1 в Ливерпуле, на Черч-стрит, 75. Помню, я просил своего соседа Малькольма Оукса подобрать синоним, чтобы избавиться от повтора в повествовании о приближении к подвалам, но он посоветовал все-таки повторить то слово, которое я уже использовал. Образ главной героини основан на давней подружке по имени Анита, а жертвой стал ваш покорный слуга со своими турецкими сигаретами и прочим, ведь он и впрямь водил Аниту туда на экскурсию во время обеда.

«Шрам» (The Scar) и его более неуклюжий первый вариант, «Преображение Росситера» (The Reshaping of Rossiter), появились из-за того, что в ливерпульском автобусе я обознался и принял одного пассажира за своего друга, Нормана Шоррока. Когда этот человек повернул голову, я увидел шрам на его щеке и понял свою ошибку. Размышляя о былом, я больше всего поражаюсь, что сумел изобразить столь заурядное семейство изнутри – безусловно, опираясь на наблюдения, а не личный опыт. Хотя я и не могу вспомнить изначальную идею для «Чучела» (The Guy), допускаю, что заключительная жестокая сцена выросла из мультфильма, точнее, из трюка, который Джерри неоднократно прокручивал с Томом. Даже в такой форме он приводит в замешательство, а та его версия, что лежит в основе сцены пыток с участием Чоу Юньфата в «Гонконге 1941», ужасна на свой лад.

«Нейпир-Корт» и «Конец летнего дня» берут начало в моих коротких, но бурных отношениях с музыкантшей и коллегой-библиотекарем Розмари Принс. Мы познакомились в начале января 1967 года, обручились через три месяца и расстались ещё через три – это была не столько бурная, сколько ураганная или даже цунами-романтика. Говоря менее пафосно, у нас оказалось гораздо меньше общего, чем подсказывало наше художественное чутьё, и, боюсь, оба мы были слишком отчаянно настроены найти себе пару. Полагаю, её родители так и думали – по крайней мере, настояли на том, чтобы мы расстались, и, судя по всему, они уже вмешивались подобным образом в предыдущие отношения Розмари. Рассказ о пещере основан на автобусной экскурсии, в которую мы вместе отправились, и почти вся первая половина повествования – вплоть до момента, когда наступает полнейшая тьма, – действительно произошла так, как я описал. Насколько я знаю, этот рассказ у некоторых читателей посеял тревожные семена в подсознании. «Нейпир-Корт» довольно точно вторит нашим реальным отношениям, хотя это вторая версия рассказа: в первоначальной главный герой был мужчиной, лежащим в постели с температурой (кажется, тогда у меня в голове крутилась повесть Уолтера де ла Мэра «Из бездны»). Недавно, перечитав рассказ, я был неприятно удивлён тем, что не могу вспомнить, какие детали вымышлены – подозреваю, их очень мало – и заметил, что позаимствовал приём у «Славной руки» Огаста Дерлета. Иногда я

думаю, как сложилась жизнь у Розмари, и надеюсь, что не хуже, чем у меня.

Кажется, именно в начале семидесятых я стал придерживаться принципа: при переработке сохранить как можно больше от первого черновика. Но, по-моему, это слишком очевидно в рассказе «Спутник» – мне очень нравится вторая половина (с момента, как мы покидаем современный парк развлечений), и именно потому я жалею, что первая часть получилась неудачной. Сейчас каждый элемент черновика должен убедить меня в своей нужности, иначе будет переписан или вычеркнут, и я подумывал применить этот подход к «Спутнику», но чувствую, что рассказ и его автор сейчас от меня слишком далеки, чтобы я мог с ними взаимодействовать. То же самое и с «Концом летнего дня», который, как мне кажется, слишком очевидно написан за один вечер и остался без правки. Тем не менее, кому-то они нравятся, и мне остаётся только верить, что под неуклюжим стилем всё же скрывается некая сила. А вот «Сначала нужно позвонить» – рассказ, вторящий духу хоррор-комиксов издательства «ЕС» и задуманный как филлер для неудавшегося перезапуска таких публикаций «Marvel», – возможно, только выиграл от того, что был написан в спешке.

Я читал немало замечательных рассказов, которые не понял с первого раза – например, «Завещание Андроса» Джеймса Блиша и «Августовская жара» У. Ф. Харви, когда еще даже не вступил в подростковый возраст. Через несколь-

ко лет мне пришлось перечитать «Сестёр Вейн» Набокова – впрочем, сам автор утверждал, что всякая достойная проза требует второго чтения. Как и у Харви, рассказчик там повествует о том, чего сам не осознаёт – он не ненадёжный, а непреднамеренный рассказчик. Разгадав скрытый смысл, я вдохновился и попытался сделать нечто похожее в «Словах, имеющих значение». Я до сих пор не уверен – шифр в рассказе слишком очевиден, и потому никто не считает нужным его упоминать, или, наоборот, он настолько замысловат, что остаётся нераскрытым. В каком-то смысле рассказ обманул и меня: я только недавно заметил, что по ошибке – или, может быть, из-за неосознанной предосторожности – упустил два ключевых слова. Это единственный рассказ в книге, который я отредактировал, и теперь в нём все слова на месте. Интересно, какую силу он мог приобрести...

«Мужчина в подземном переходе» был первым рассказом, написанным мною после того, как я стал писателем на полную ставку. Сознательно ли я ставил себе задачу – написать текст наивным голосом, лишённым атмосферных деталей? Иногда я специально отказываюсь от приёма, ставшего привычным, и смотрю, что будет с рассказом, если лишить его опоры, но в данном случае, скорее всего, все дело в интуиции. Переход в рассказе вёл под Уэст-Дерби-роуд, недалеко от конца Бэкингем-роуд, где мы несколько лет жили в доме номер 54, но перехода уже давно нет. Как и воспоминаний о том, на чём, собственно, основывался рассказ «За-

паковано» – боюсь, я все забыл. Думаю, Дэвид Дрейк был прав, считая, что название получилось слишком шутливым и неуместным, но я стараюсь не переименовывать уже опубликованные рассказы. Иначе «Обсессия» (Obsession) называлась бы «На всю оставшуюся жизнь», как мне бы того хотелось.

«Призыв» вырос из фильма Копполы «Крёстный отец» – я ожидал, что богатеи-кинопродюсер найдёт в постели нечто похуже лошадиной головы. «Малыш» и «Выводок» происходят из тех времён, когда мы с Дженни жили в доме № 25 на Принсес-авеню в Ливерпуле – тот период я многократно вспоминал и переосмысливал. Жилище героя в «Малыше» основано на типичном доме в районе Ливерпуль-8, куда я наведывался за просроченными библиотечными книгами, а финал рассказа разворачивается на Грэнби-стрит, в то время почти полностью заброшенной. В «Выводке» я воссоздал вид из окна нашей мансарды в доме № 25. Видел ли я тогда женщину, кружившую под фонарём, или лишь вообразил её? Сколько времени эта идея спала в записной книжке, прежде чем пробудилась? Оставляю это на усмотрение будущих исследователей.

«Дымоход» уходит корнями в мой ежегодный детский (а потом и подростковый) страх: когда мать посылала меня наверх звать отца – невидимого, а потому монструозного – на рождественский ужин. Во всём остальном это был мой любимый праздник, и я напрочь забыл о своём многолетнем стра-

хе, пока не начал читать рассказ вслух гостям у Джека Салливана в Нью-Йорке. У меня редко случается, чтобы я так слабо осознавал, что пишу замаскированную автобиографию, хотя моя мать обиделась, узрев в тексте свой портрет (и в некоторой степени он там и впрямь присутствует).

Мне кажется, что «Преображение» отражает моё психологическое состояние на момент написания – хотя я тогда и не осознавал, насколько оно было проблематичным. В основе этого пессимистичного рассказа лежит мысль о том, что худшее, что может сделать писатель, – это писать. К моменту написания «Макинтоша Вилли» и других промежуточных рассказов мой разум вернулся в норму – или в то, что сходит за нее в моем случае. Которое из этих состояний оказалось более плодотворным для творчества, пусть решает читатель. Настенные надписи внутри павильона в парке и следы в бетоне поблизости настоящие, как и местная газета.

Как и многие мои рассказы, «Шоу продолжается» связан с определенным местом в Мерсисайде, в данном случае – с кинотеатром «Ипподром», который был расположен на том конце Уэст-Дерби-роуд, что ближе к Эвертону. Изначально здание было построено для цирка, открывшегося в 1876 году, но в начале XX века его переделали в театр варьете, где выступали такие звезды, как Чаплин и Гудини. Позже там открылся кинотеатр, где в 1931 году впервые показали фильм Тода Браунинга «Дракула». Большая часть оригинальной архитектуры сохранилась до семидесятых годов, и

однажды я заблудился за кулисами в лабиринте коридоров и темных комнат и в конце концов заметил какие-то силуэты за аварийной дверью, после чего спешно ретировался. Возможно, это были бездомные, но зрелище определенно произвело более жуткое впечатление, и я попытался воссоздать его в рассказе. Аналогично, «Переправа» – попытка передать необычность пейзажа Паркгейта, места, ранее замаскированного под Сигейт писательницей Дж. Дж. Пендарвс в ее рассказе для *Weird Tales*, который называется «*Thing of Darkness*» («Порождение тьмы»). Как Глэдис Гордон Тренери (ее настоящее имя), она похоронена на кладбище Рейк-Лейн, менее чем в миле от нашего дома.

«Глубины» – первое из моих погружений в коллективное бессознательное и дополнение к моему раннему роману «*The Nameless*» («Безымянный»). Действие рассказа «Внизу» переносит первое офисное здание, в котором я работал (ранее оно же послужило локацией для «Подвалов»), в заброшенный шахтерский поселок. Написание этой истории было такой сложной задачей, что я был близок к тому, чтобы отказаться от нее – жалкая капитуляция, подобная которой случалась всего несколько раз за всю мою карьеру. Напротив, «Открытка» была написана удивительно легко, возможно, потому что параметры, предоставленные редактором ливерпульской газеты, который ее заказал, обеспечили четкую структуру – повествование примерно из двух тысяч слов, действие происходит в Мерсисайде и охватывает

период с кануна Рождества до Нового года. Редактору она показалась слишком жуткой, но его преемник купил ее для газеты. Тем временем Лин Картер тоже хотел купить ее для «Weird Tales», хотя в поезде, когда мы ехали на Всемирный конвент фэнтези в Провиденсе, сказал мне, что мое оригинальное название «Первый посетитель» поставит в тупик его читателей. Через несколько минут я предложил ему новый вариант, но его версия журнала закрылась, так и не опубликовав рассказ.

«Примерка» – рассказ о мучениях подросткового периода, но, если некоторые предыдущие экскурсии в подростковую психологию основаны на моем собственном опыте, эта история опирается на опыт вымышленный, который, я надеюсь, выглядит правдоподобно. «Рука провидения» – своего рода мистический рассказ, напоминающий мне вариации на заданную тему. В то время как рассказы вроде «Пакета» можно назвать классическими, «Рука провидения» и похожие на нее тексты носят скорее экспериментальный характер – я бы претенциозно предложил считать его атональным. «Прозрение» было моим ответом на просьбу Дж. Н. Уильямсона написать лаконичную традиционную историю с вот-это-поворотом, а «Ещё» показался мне, по крайней мере, столь же откровенным – это мой самый подлинный хоррор. Надеюсь, он вас разок-другой шокирует.

«Любой каприз» был написан после трех лет, посвященных исключительно романам. Идея пришла мне в голову

неожиданно, когда мы с Дженни и нашими детьми устроили пикник в лесу Деламер – про официантов в конце я рассказал вслух (неразумный подход с точки зрения рабочего процесса, но в данном случае идея сохранила свою силу, пока я не написал рассказ). К этому моменту наша семья переехала из Ливерпуля в Уолласи и обосновалась на Хейдок-роуд, 16, недалеко от реки. Увы, окна моего кабинета выходили не на нее, а на улицу, ведущую в гору. Тем не менее, я написал там «Увидеть мир», заглянув внутрь своей головы.

Сколько историй можно написать на тему Хэллоуина? Меня просили написать их несколько раз, и «Яблоки» – одна из таких историй, написанная для антологии под редакцией Алана Райана. Рассказчик был задуман наивным, но у наивного британского редактора, очевидно, возникли проблемы с этим, и он внес в рассказ более ста правок, когда издательство «Футура» переиздавало книгу. Позвольте сразу сказать, что нарушителем был явно не великий Ник Уэбб, который приказал переработать тираж, чтобы можно было восстановить как мой текст, так и тексты других авторов.

Вскоре семья переехала в наш нынешний дом в Уолласи, но какое-то время мы все еще владели домом на Хейдок-роуд. В результате землетрясения одна стена треснула, что усложнило продажу дома. Пока он был выставлен на продажу, я часто ходил проверять, не вломился ли кто-нибудь, и когда Кэтрин Кремер попросила меня внести свой вклад в сборник, посвященный архитектурной мистике, эта ситуа-

ция послужила толчком к созданию рассказа «Там, где сердце». Я был обескуражен письмом, которое Кэти отправила своим авторам, потому что в нем приводились мои рассказы в качестве примеров того, чего она хотела, и у меня возникло ощущение, что я пытаюсь подражать самому себе.

«Путеводитель» был задуман для того, чтобы продемонстрировать, насколько велико влияние М. Р. Джеймса, и основан на цитате из прозы Джеймса, которая возникла из ниоткуда (ну, из глубин моей памяти) во время загородной прогулки. «Приветляндия» обязана своим существованием моему другу Алану Муру, который рассказал мне о таком заброшенном парке аттракционов, когда мы ехали по пустынному шоссе посреди ночи.

А теперь позвольте мне перестать вдаваться в нелепые глупости, которые скрыты повсюду в этом введении, и надеюсь, оно не помешает серьезному чтению и не отпугнет трезвомыслящих читателей...

Спутник

Когда Стоун, которому дважды указали неверное направление, наконец-то добрался до парка развлечений, тот оказался похожим на гигантский зал с игровыми автоматами. На вымощенном красными плитами берегу внизу прогулочной набережной шумно каталась туда-сюда пара бумажных стаканчиков, и пронизывающий октябрьский ветер гнал воды Мерси по разбитым бутылкам и бесхозным крышам. Длинный фасад парка украшали две приземистые белые бутафорские башни, возле одной стоял киоск с сувенирами, возле другой – с рыбой и картофелем фри. Непосредственно под аркой входа то и дело взвивались обрывки бумаги.

Стоун едва не ушел. Отпуск вышел не из лучших. Один парк в Уэльсе был закрыт, а этот точно не оправдывал ожиданий. В путеводителе он выглядел стоящим – с аттракционами, мимо которых надо проходить, ускорив шаг и отвернувшись, чтобы зазывалы не сбили тебя с пути; водопадами, низвергающимися внезапно с того, что казалось раскрашенным картоном; выстрелами, звоном колокольчиков и ударами по дереву, доносящимися из тиров; девчоночьим визгом над головой; скользкой карамельной броней и сочным хрустом яблока на палочке; огнями, вспыхивающими на фоне темнеющего неба. Впрочем, подумал он, хотя бы момент выбран правильно. Если войти сейчас, можно стать на ярмарке

почти полноправным хозяином.

Дойдя до входа, Стоун увидел свою мать, которая ела рыбу с картошкой фри с бумажной тарелочки. Что за ерунда! Она бы не стала есть стоя, на глазах у чужаков – «как лошадь», если вспомнить ее любимое выражение. И все-таки Стоун увидел, как она поспешно покидает киоск, пряча лицо от сына и от ветра. Конечно, все дело в том, как незнакомка ела – быстро закидывала кусочки вилкой в рот, жевала. Он задвинул инцидент в дальний угол памяти в надежде, что все забудется, и, торопливо пройдя под аркой, погрузился в пеструю круговерть и какофонию.

Высокая крыша с обнаженными железными балками тотчас же напомнила ему вокзал, но здесь было еще шумнее. Отголоски сирен, опасный металлический скрежет, звуки выпускаемого пара, будучи запертыми внутри парка, как в ловушке, сделались оглушительными. Это до такой степени сбивало с толку, что пришлось напомнить самому себе: пусть Стоун ничего не слышит, он по-прежнему может видеть.

Однако смотреть было особо не на что. Машины выглядели блеклыми и пыльными. Вагончики, похожие на огромные кресла, бестолково мотались и кружились по американским горкам; брезентовый навес смыкался над бесконечной вереницей сидений; огромный диск, увешанный ими, поднимал к крыше одинокую пару, поверившую в надежность его шестеренок. Людей в поле зрения было так мало, что казалось, будто раздосадованные бездельем аттракционы работают са-

ми по себе. На миг Стоуну померещилось, что он заперт в пыльной комнате, где игрушки обрели жизнь, словно в детской сказке.

Он с сомнением пожал плечами и повернулся, намереваясь уйти. Можно было съездить на ярмарку в Саутпорт, хотя до нее несколько миль через Мерси. Отпуск быстро подходил к концу. Интересно, как идут дела в налоговой инспекции в его отсутствие. Несомненно, медленнее обычного.

Затем он увидел карусель. Она смахивала на игрушку, забытую здесь каким-то другим ребенком, передававшуюся из поколения в поколение. Под ее замысловато изукрашенным куполом лошадки на шестах скакали навстречу своим отражениям в кольце зеркал. Лошадки были сделаны из белого дерева или выкрашены в белый цвет, фиолетовые, красные и зеленые пятна испещряли тела и временами морды, схематично прорисованные. В центральной части, над табличкой «Сделано в Амстердаме», негромко играл механический орган. Присмотревшись, Стоун увидел резных рыб, русалок и тритонов, ветра с надутыми щеками, голову и плечи кулившего трубку человека в обрамлении оконной рамы, пейзаж с холмами и озером, а также высоко сидящего ястреба, готового взлететь.

– О да, – проговорил Стоун.

Взбираясь на платформу, он немного смутился, но, кажется, никто на него не смотрел.

– Можете заплатить мне, – сообщил курильщик в окош-

ке. – Кассир отлучился.

Волосы мужчины были цвета дыма из его трубки. Он улыбался, не выпуская мундштук изо рта.

– Славная карусель, – сказал Стоун.

– А вы знаток?

– Ну, немного. – Мужчине это не понравилось, и Стоун поспешил прибавить: – Я повидал множество таких парков. Видите ли, я каждый год их посещаю во время отпуска. То в одной местности, то в другой. Может, книгу напишу. – Эта идея то и дело его искушала, но он не делал заметок, и до пенсии – подходящего времени, чтобы заняться книгой – оставалось еще десять лет.

– И вы каждый год гуляете по парку аттракционов в одиночку?

– В этом есть свои плюсы. Во-первых, так дешевле. Помогает экономить. До пенсии рассчитываю посетить Диснейленд и Вену. – Он подумал про Венское колесо обозрения, Гарри Лайма ⁸ и то, как земля уходит из-под ног. – Ну, я пошел.

Он похлопал лошадь по крепкой спине и вспомнил друга детства, у которого в спальне стояла лошадка-качалка. Стоун несколько раз на ней катался, все более неистово по мере того, как приближалось время возвращаться домой; в спальне друга было светлее, чем у него, и, держась за деревянную игрушку, он как будто держался и за эту гостеприимную ком-

⁸ Отсылка к сцене из детективного нуара К. Рида «Третий человек» (1949).

нату. Воспоминание его позабавило. Наверное, подумал он, все потому, что я не катался на карусели уже много лет.

Та же пришла в движение, лошадка то поднимала его, то опускала. Вращение постепенно ускорялось, и в какой-то момент Стоун заметил, как через один из входов хлынула толпа, растеклась по ярмарке. Он поморщился: на какое-то время это место принадлежало ему одному, и чужакам необязательно было заявляться именно тогда, когда он наслаждался своей каруселью.

Посетители куда-то брели. Мимо пронесся звон автоматов для игры в пинбол. Посреди автодрома вертелся гигант с бочкообразным телом, размахивая вялыми руками, и красный огонек электрической сигареты, зажатой в губах, изогнутых в безучастной ухмылке, пульсировал в такт медленному, гулкому смеху. Металлический голос зачитывал выигрышные номера «бинго», но слова превращались в неразборчивое жужжание. У Стоуна все сильнее кружилась голова – наверное, потому что долго ничего не ел, рассчитывая на яблоки в карамели, – и он как будто попал в расплывчатую, вертящуюся сцену на ярмарке из «В субботу вечером, в воскресенье утром»; та ярмарка ему не понравилась, уж слишком мрачной она была. «Незнакомцы в поезде», «И подбежали они», «Третий человек» и даже убийство в парке развлечений в «Ужасах Черного музея» гораздо лучше. Он тряхнул головой, пытаясь справиться с потоком мыслей.

Однако ярмарочная круговерть ускорялась. Платформа

поезда-призрака пронеслась мимо с воплями и криками. Люди, проходившие мимо карусели, двигались рывками, как рисунки на картонном диске тауматропа. Вновь появился поезд-призрак, и Стоун мельком увидел очередь подле малящего зеленого трупa. Люди таращились на Стоуна. Нет, понял он на следующем витке, они смотрели на карусель. Он был лишь деталью, которая то и дело возникала в поле зрения. В конце очереди, вытаращив глаза и ковыряясь в носу, стоял отец Стоуна.

Начав падать, Стоун схватился за шею лошадки. Незнакомый мужчина уже побрел к автодрому. Да что за день такой? Все было бы не так плохо, если бы предательский разум не подыскивал такие отталкивающие сравнения. Стоун ни разу в жизни не встречал людей, которые как-то походили на его родителей, могли бы с ними сравниться. Да, он кое-чем восхищался, но иначе. Так повелось с той поры, когда два полированных ящика опустили в ямы и засыпали землей. Шум и цвет кружились вокруг и внутри Стоуна. Почему он запрещал себе думать о смерти родителей? Он знал, почему гонит подобные мысли прочь, и это должно было стать его спасением: в возрасте десяти лет Стоун каждую ночь испытывал смертные, адские муки.

Он вцепился в воспоминание, как деревяшку в водовороте. Отец отказал ему в ночнике, а мать кивнула, сказав: «Да, сдастся мне, пора». Он лежал в постели, боясь пошевелиться, чтобы тьма не узнала о его присутствии, и без-

молвно повторял: «Господи, умоляю, не надо», снова и снова. Стоун лежал так, чтобы видеть в отдалении еле различимую серую вертикальную щель между шторами, но даже свет за окном постепенно тускнел. Он знал, на что похожи смерть и ад. Время от времени – когда сон начинал затуманивать разум, комната становилась больше и во мраке просыпались темные силуэты, – он думал, что, возможно, уже умер.

Стоун откинулся назад, когда лошадь замедлила ход, и он начал скользить вперед по ее шее. Что потом? В конце концов он выбрался из замкнутого круга религиозных терзаний, из ада, в который не смел поверить, потому что тогда тот бы его настиг. Какое-то время испытывал смутное беспокойство в темных местах, но не настолько сильное, чтобы оно побудило разобраться со своими эмоциями и одержать над ними верх. Через некоторое время и беспокойство рассеялось вместе с явным родительским неодобрением его атеизма. Да, подумал Стоун, когда круговерть воспоминаний остановилась вместе с каруселью, я тогда был счастливее некуда: лежал в кровати, чувствуя, что родители где-то рядом, и прислушиваясь к звукам, которые издавал дом. Затем, когда Стоуну было тридцать, телефонный звонок вызвал его к яме на шоссе, из которой торчала машина, похожая на мертвого черного жука. На миг его охватил головокружительный ужас, а потом все прошло. Родители ушли во тьму. Вот и все. Это был единственный зарок, который чем-то смахивал на религиозный обет, наложенный им на самого себя: не додумывать.

Сейчас не было причин поступать иначе. Он побрел от карусели к игровым автоматам для игры в пинбол, занимавшим большую часть одной из сторон парка развлечений. Вспомнил, как, лежа в постели и беззвучно умоляя о пощаде, иной раз замирал, думая о том, что читал про сны: они как будто длились часами, но на самом деле занимали всего лишь доли секунды. Относилось ли это и к мыслям? А к молитвам, когда вокруг простиралась тьма и не было возможности определить, который час? Помимо того, что они предоставляли ему защиту, молитвы отсчитывали мгновения до рассвета. Возможно, миновала лишь минута, а то и секунда тьмы. Тьма и ад, подумал он, до чего же странные идеи обитали в моей голове в те времена. Особенно по меркам десятилетнего ребенка. Интересно, куда они подевались. Разумеется, туда же, куда и короткие штаны, прыщи и прочее, из чего я вырос.

Трое мальчишек лет двенадцати столпились вокруг автомата для игры в пинбол. Когда они на мгновение расступились, Стоун увидел, что они пытаются его включить при помощи монетки на куске проволоки. Он шагнул в их сторону, открыл рот, но... вдруг они на него набросятся? Если его атакуют гурьбой, повалят и начнут бить ногами, в таком шуме никто даже не услышит его крики.

Смотрителя нигде не было видно. Стоун поспешил обратно к карусели, где несколько маленьких девочек садились на лошадок.

– У мальчишек на уме кое-что нехорошее, – сообщил он мужчине в окошке.

– Вы! Да, вы! Я вас уже видел. А ну пошли вон отсюда! – крикнул тот, и мальчишки с наглым видом разошлись.

– Раньше все было иначе, – Стоун с облегчением перевел дух. – Полагаю, ваша карусель – все, что осталось от старого парка.

– Старого? Нет, она не оттуда.

– Я думал, все это воздвигли на месте прежнего парка развлечений.

– Нет, он по-прежнему существует – по крайней мере, частично, – сказал мужчина. – Даже не знаю, понравится ли вам что-нибудь из его аттракционов. Вон через ту дверь будет быстрее всего. Попадете к боковому входу, если он еще открыт.

Взошла луна. Она скользила по-над крышами, когда Стоун покинул парк развлечений через задний вход и поспешил по улице с одинаковыми домами. Лунный свет выделял кончики дымоходов и коньки крыш. В окнах над клочками земли или камня, заменявшими палисадники, Стоун видел лица, посеребренные телеэкраном.

В конце улицы, за пересекавшей ее более широкой дорогой, он увидел еще одну точно такую же, параллельно которой тянулся переулок. Надо просто идти дальше. Луна скрылась за крышами, когда он миновал перекресток, но перед глазами так и маячило белесое пятно. Стоун пытался его

сморгнуть, когда достиг улицы, и потому не был уверен, что действительно заметил группу мальчишек, пришедших тем же путем и убежавших в переулок.

Нетерпение гнало его вперед, хоть он и гадал, не повернуть ли обратно. Машина осталась на набережной; он мог добраться до нее за пять минут. Наверное, это были те самые мальчишки, которых он видел у игровых автоматов, и они жаждали мести. Вполне возможно, у них при себе ножи или разбитые бутылки; несомненно, они научились ими пользоваться, смотря телевизор. Его шаги громко звучали в тишине. Темные выходы из переулка зияли между домами. Он побежал, стараясь ступать тише. Мальчики не шумели, по крайней мере, он ничего не слышал. Если они смогут его повалить, все кости переломают, прежде чем он сумеет подняться. В его возрасте это крайне опасно. Еще один выход притаился между домами, которые выглядели грозными из-за своей массивности и невозмутимости. Что бы ни случилось, надо оставаться на ногах. Если мальчики схватят его за руки, останется лишь кричать о помощи. По мере того, как улица изгибалась, один ряд домов становился все дальше, а другой – ближе. Перед Стоуном, за стеной из профнастила, раскинулся старый парк развлечений.

Он остановился, запыхавшись, пытаясь успокоить дыхание, пока оно не заглушило все звуки в переулке. Там, где Стоун надеялся найти хорошо освещенную дорогу к прогулочной набережной, улица заканчивалась, словно ее обреза-

ли, и путь преграждала стена. Однако посередине один оцинкованный лист был отогнут, как крышка консервной банки, и среди резких теней и залитых лунным светом граффити зияли зазубренные очертания дыры. Парк развлечений была закрыт и безлюден.

Осознав, что последний выход остался позади, за поворотом улицы, Стоун шагнул через дыру в преграде из профнастила. Окинул взглядом улицу, которая была пуста, если не считать разбросанных обломков кирпича и осколков стекла. Ему пришло в голову, что, возможно, это были совсем другие мальчики. Он согнул оцинкованный лист, закрывая лаз, и огляделся.

Круглые ларьки, длинные тиры с мишенями, невысокие американские горки, Ноев ковчег и зеркальный лабиринт отбрасывали тени друг на друга и сливались с полумраком дорожек между аттракционами. Даже карусель была скрыта занавесом тьмы, свисавшим с ее крыши. Те деревянные части, которые Стоун смог рассмотреть в лунном свете, выглядели потертыми, краска с них облезла. Но между безмолвными машинами и ларьками тускло светился поезд-призрак.

Стоун направился к нему. Фасад излучал бледно-зеленое сияние, которое на первый взгляд походило на лунный свет, но было ярче, чем тусклый блеск, которым луна одаривала соседние аттракционы. Стоун увидел один вагончик на рельсах, недалеко от входа. Приближаясь, краем глаза заметил группу мужчин, предположительно владельцев ларьков, ко-

которые разговаривали и жестикулировали в тени между двумя прилавками. Итак, парк развлечений не совсем опустел. Возможно, он вот-вот закроется, но ему могут и разрешить разок прокатиться, ведь поезд-призрак еще светится. Стоун понадеялся, что никто не увидел, как он воспользовался входом для вандалов.

Дойдя до аттракциона, он понял, что свечение исходит от слоя фосфоресцирующей краски, которую однажды нанесли щедро, однако с той поры она потускнела и стерлась – и одновременно со стороны металлического забора донесся громкий лязг. Кто-то бросил кирпич или заново открыл пролом; ларьки загораживали обзор. Стоун быстро огляделся по сторонам в поисках другого выхода, но такового не обнаружил. Он мог угодить в тупик. Лучше остаться на месте. Он не мог доверять владельцам ларьков: они могли жить поблизости, знать мальчиков или даже быть их родителями. Ребенком он как-то раз подбежал к мужчине, который оказался бесполезным отцом того, кто на него напал. Он забрался в вагончик поезда-призрака.

Ничего не произошло. Никто не управлял аттракционом. Стоун прислушался. Ни мальчишки, если они и были снаружи, ни смотритель, казалось, не приближались. Если бы он подал голос, мальчишки бы услышали его. Вместо этого, раздосадованный и рассерженный, он начал бить по металлической стенке в передней части вагончика.

Вагончик тотчас же покатился по рельсам, идущим под

уклон, и канул во тьму за воротами аттракциона.

Когда Стоун с грохотом проехал невидимый во тьме поворот, ему почудилось, что он внезапно стал жертвой бреда. Вспомнил свою расшатанную детскую кровать и изобильную тьму, что плескалась вокруг. С чего вдруг он вообще сунулся в этот вагончик? Ребенком же никогда не любил поезда-призраки и, повзрослев, инстинктивно их избегал. Все из-за паники. Возможно, мальчишки будут ждать его в конце поездки. Что ж, тогда придется воззвать к тому, кто управляет аттракционом. Он откинулся на спинку деревянного сиденья, вцепился обеими руками в его нижнюю часть и отдался скрежету металла, внезапным рывкам вагончика и тьме.

По мере того как тревога по поводу завершения поездки постепенно утихала, он начал постепенно осознать кое-что еще. Когда вагончик миновал первый поворот, Стоун заметил светящийся силуэт – сперва один, потом два, и они скрылись из вида так быстро, что он не успел их толком разглядеть. Ему показалось, что это лица мужчины и женщины, смотревших сверху вниз. Они мгновенно растворились во тьме или были ею унесены. Ему почему-то показалось очень важным запомнить их выражения.

Стоун не успел это обдумать, как впереди возникло сероватое свечение. У него появилась безрассудная надежда, что это окно, которое помогло бы оценить протяженность тьмы. Но он уже видел, что форма чересчур неправильная. Еще чуть ближе – и Стоун понял, что это. Большое чучело кро-

лика с огромными глазами из стекла или пластмассы сидело на корточках в нише, вытянув перед собой передние лапы. Конечно, это был не мертвый кролик, а игрушечный. Проезжая под ним, вагончик начал грохотать и трястись, и у пассажира возникло причудливое ощущение, что это сделано намеренно, будто на самом деле вагончик остановился, а кролик приближается или растет. Какой бред, подумал Стоун. Так или иначе, призрак был слабенький. Детский. Его пальцы нащупали занозы на нижней стороне деревянной скамьи. Кролик бросился на него, когда рельсы пошли под уклон. Один глаз чучела разболтался, из дыры на щеку вывалилась белесая набивка. Кролик был по меньшей мере четырех футов ростом. Вагончик едва не столкнулся с ним перед тем, как резко повернуть, и чучело рухнуло а свет, который его освещал, погас.

Стоун ахнул и схватился за грудь. Он повернулся, вглядываясь назад, во тьму там, где предположительно находился кролик, пока содрогание вагончика не вынудило его вновь посмотреть вперед. Что-то легко пощекотало лицо. Он вздрогнул, потом расслабился. Ну конечно, в таких местах всегда развешивали нити вместо паутины, ему об этом рассказывали друзья. Но неудивительно, что парк развлечений опустел, если это все, что здесь могут предложить. Гигантские подсвеченные игрушки, м-да. Не только дешево, но еще и способно вызвать у детей ночные кошмары.

Вагончик взобрался на небольшой подъем и опять дви-

нулся вниз, а потом яростно затрясся на нескольких поворотах. Стоун подумал: пытаются отвлечь перед следующим «потрясением». Спасибо, со мной этот фокус не пройдет. Он откинулся на спинку скамьи и издал демонстративный скупающий вздох. Звук застрял в его собственных ушах, как заикленный в наушниках. Зачем он так поступил? Ведь тот, кто управлял аттракционом, не мог его услышать. А кто мог?

Растратив набранный разгон на поворотах, вагончик замедлил ход. Стоун вглядывался во мрак впереди, пытаясь предугадать, что вот-вот случится. Очевидно, он должен был расслабиться, прежде чем вагончик опять тряхнет. Напрягая глаза, почувствовал, как они привыкают к темноте. По крайней мере, сумел разглядеть в нескольких футах впереди рядом с рельсами приземистый, грузный серый силуэт. Стоун прищурился, пока вагончик сближался с этой штукой. Она оказалась большим креслом.

Вагончик поравнялся с ним и замер. Стоун вгляделся. В тусклом, лихорадочном, крапчатом свете, который как будто отпечатывался на сетчатке скопищем блуждающих кругляшей, кресло каким-то образом казалось больше, чем он сам. Возможно, оно располагалось дальше, чем он думал. Какая-то одежда, брошенная на спинку, выглядела куцей, но, возможно, это были детские вещи. По крайней мере, подумал Стоун, поучительно наблюдать за работой собственного разума. А теперь пора ехать дальше.

Тут он заметил, что почти невидимый свет мерцает. Или

так, — пусть он и не мог определить источник света, — или одежда двигалась; очень медленно, и вместе с тем целенаправленно, как будто нечто, скрытое под вещами, приподнимало их, чтобы выглянуть наружу и, быть может, показать-ся. Стоун подался вперед, ближе к креслу. Ну давайте, покажите, что там, и дело с концом. Но свет был чересчур тусклым, а кресло — слишком далеким. Вероятно, он ничего не увидит, даже когда что-то появится, ведь освещение почти угасло. Разве что выйдет из вагончика и подойдет ближе.

Стоун уже взялся одной рукой за бортик, как вдруг сообразил: если вагончик уедет без пассажира, придется выбираться отсюда наощупь, во тьме. Он снова откинулся на спинку скамьи и тут же заметил яростное копошение среди тряпок, вблизи от сиденья кресла. Он уставился туда, но не успели его глаза сфокусироваться, как тусклый серый свет померк окончательно.

Стоун на миг оцепенел, полностью сосредоточившись на тишине и непроглядном мраке. Потом начал отчаянно пинать переднюю стенку вагончика. Тот от натиска чуть пошатнулся, но остался на месте. К тому времени, когда он неохотно сдвинулся, от подскочившего давления тьма как будто покраснела.

Когда вагончик проехал следующий поворот, замедляясь, словно обнюхивая рельсы, Стоун расслышал сквозь звук колес приглушенный стук и скрип дерева. Они донеслись спереди. Ему пришло на ум, что такие звуки можно услышать в

доме ночью. Сейчас что-то будет.

Внезапно в нескольких футах впереди из тьмы на него ринулось чье-то лицо. Оно содрогнулось в тот самый миг, когда вздрогнул он сам. Еще бы, подумал Стоун, с кривой ухмылкой откидываясь на спинку скамьи и наблюдая, как опускается его отражение. Теперь он заметил, что его и вагончик окружает тусклое свечение, в котором смутно вырисовывалась деревянная рама зеркала. Наверное, поездка вот-вот закончится. Все стало чересчур очевидным. Ну, по-своему эффектно.

Пока вагончик ехал мимо зеркала, Стоун рассматривал свое отражение, которое выделялось на фоне тусклого света, падавшего откуда-то сзади. Внезапно Стоун нахмурился. Оно двигалось несообразно траектории вагончика и вот-вот должно было покинуть пределы рамы. Затем ему вспомнился гардероб, стоявший в изножье детской кровати, и все прояснилось. Это зеркало было вделано в дверцу гардероба, которая постепенно открывалась.

Стоун прижался к противоположной стороне почти остановившегося вагончика. Нет-нет, подумал он, так не должно быть. Нет! Под днищем вагончика заскрежетали шестерни, взвизгнули какие-то металлические детали, тормозя его продвижение. Стоун бросился всем телом на переднюю стенку. Во тьме слева услышал скрип дверцы и глухой стук. Вагончик шевельнулся, потом механизм вновь включился, и он кое-как двинулся дальше.

Когда свет за спиной погас, Стоун почувствовал, как рядом на скамью опустилось что-то тяжелое.

Он вскрикнул — или попытался, потому что вместе с судорожно втянутым воздухом в легкие проникла тьма и могучим приливом хлынула в сердце и мозг. На миг он обо всем позабыл, как будто превратился во мрак, тишину и память о страдании. Затем оказалось, что вагончик с грохотом едет вперед, тьма проносится над Стоуном и мимо, и вот со стуком распахнулись ворота, выпуская его в ночь.

Когда вагончик покинул пределы аттракциона, Стоун посмотрел на место между ларьками, где, как ему показалось, он видел их владельцев. Лунный свет, ставший чуть ярче, продемонстрировал, что там громоздятся какие-то мешки, кивая и жестикулируя на ветру. Затем свет упал на сиденье рядом с ним, и Стоун перевел взгляд туда же.

На сиденье обнаружился кто-то тощий, в выцветшей куртке с капюшоном. На незнакомце были полосатые брюки с разноцветными заплатками, чьи конкретные цвета в тусклом лунном свете было не различить. Макушка находилась где-то на уровне Стоунова плеча. Руки болтались, пятки вяло барабанили по металлу под скамьей. Отпрянув, Стоун ухватился за переднюю часть вагончика, собираясь встать, и голова чужака откинулась назад.

Стоун зажмурился. Когда он опять открыл глаза, то увидел под капюшоном овал из белой ткани, на котором было вышито ухмыляющееся лицо с черными крестами вместо

глаз и оскаленным полумесяцем рта.

Внезапное осознание того факта, что вагончик не остановился и даже не притормозил, прежде чем ринуться под уклон, обратно в нутро аттракциона, помешало Стоуну тотчас же заметить, что спутник взял его за руку.

Разрывающий завесы

В полночь ушел последний автобус до Бричестера, и начался ливень. Кевин Джиллсон с горечью поразмыслил над тем, чтобы простоять под навесом ближайшего кинотеатра до утра, но сильный ветер загонял дождь даже туда, так что укрытия не было. Он поднял воротник плаща, когда вода начала стекать по шее, и побрел вверх по склону, удаляясь от автобусной остановки.

Улицы почти опустели; редкие проезжавшие машины не реагировали на его сигналы. Очень немногие из домов, мимо которых он проходил, были освещены; мокрая черная мостовая с трепещущими отражениями уличных фонарей производила угнетающее впечатление. Он встретил только одного человека – молчаливый силуэт, стоявший в тени дверного проема. Лишь красный огонек сигареты убедил Джиллсона в том, что там вообще кто-то был.

На углу Гонт-стрит и Ферри-стрит он увидел приближающийся автомобиль. Наполовину ослепленный отраженным светом фар, разглядел, что это было такси, которое странствовало по улицам в поисках последнего ночного пассажира. Он помахал потрепанным номером «Кэмсайд Обсервер», который все еще сжимал в руке, и такси остановилось рядом с ним.

– Вы еще берете пассажиров? – крикнул он через перего-

родку.

– Я ехал домой, – ответил водитель. – И все же... если вы еще не дошли туда, куда вам надо... в такую ночь я вас на улице не брошу. В какую сторону?

Джиллсон назвал Бричестер и собрался садиться в машину. И тут неподалеку раздался чей-то возглас; обернувшись, он увидел человека, бежавшего под дождем к такси. По сигарете, зажатой в пальцах, и по направлению, откуда появился незнакомец, Джиллсон догадался, что это тот самый мужчина, которого он заметил в проеме.

– Подождите! Пожалуйста, подождите! – кричал этот человек. Он шумно подбежал к такси, забрызгав Джиллсона. – Не возражаете, если я поеду с вами? Если вы спешите, это неважно – однако, если из-за меня придется свернуть с пути, я оплачу разницу. Не знаю, как иначе добраться домой, хоть и живу недалеко отсюда.

– А где вы живете? – осторожно спросил Джиллсон. – Я не тороплюсь, но...

– На Тюдор-драйв, – с готовностью ответил мужчина.

– О, это по дороге в Бричестер, не так ли? – с облегчением спросил Джиллсон.

– Конечно. Садитесь – мы оба подхватим воспаление легких, если продолжим тут торчать.

Забравшись в такси, Джиллсон дал указания водителю и откинулся на спинку сиденья. Ему не хотелось болтать, и он решил почитать книгу, надеясь, что попутчик поймет намек.

Он достал купленный утром в киоске экземпляр «Современного ведьмовства» и начал листать.

Он как раз начал главу, когда его прервали. Попутчик – судя по всему, не распознав его намерение, – поинтересовался:

– Вы верите в подобные штуки?

– Вы об этом? – покорно уточнил Джиллсон, постучав пальцем по обложке. – В каком-то смысле, да... Я думаю, люди верили, что танцы нагишом и плевки на распятия принесут им пользу. Впрочем, это очень незрелое мироощущение... и все они, конечно, были психопатами.

– Да уж, им самое место в такой зловещей книжонке, – согласился попутчик.

На несколько минут стало тихо, и Джиллсон задумался, не вернуться ли к книге. Он ее вновь открыл и прочитал сообразно броский блерб на внутреннем клапане суперобложки, а потом раздраженно отложил, когда струйка воды потекла по рукаву на страницу. Вытер влагу, а потом попытался нащупать лежавшую рядом книгу.

– А знаете, что скрывалось за всеми этими ведьмовскими культами?

– В смысле? – спросил Джиллсон, забыв про книгу.

– Вы знаете о подлинных культах? – продолжил попутчик. – Не средневековых прислужниках Сатаны, а тех, которые поклоняются действительно существующим богам?

– Зависит от того, что вы подразумеваете под «существу-

ющими богами», – ответил Джиллсон.

Попутчик, судя по всему, пропустил замечание мимо ушей.

– Адепты создали эти культы, поскольку что-то искали. Возможно, вы читали кое-что из их книг – в ларьках такие не найдете, но они хранятся в некоторых музеях.

– Ну, я однажды побывал в Лондоне и взглянул на то, что есть в Британском музее.

– Видимо, речь про «Некрономикон». – Попутчик слегка развеселился. – И что вы о нем думаете?

– Он меня весьма встревожил, – признался Джиллсон, – но не вызвал такого ужаса, какой я ожидал. Однако я так и не понял его до конца.

– Лично мне он показался смехотворным, – сообщил попутчик, – и к тому же таким расплывчатым... Но, разумеется, если бы в нем было подробно описано то, на что имеются лишь завуалированные указания, ни один музей к подобной книге не стал бы и прикасаться. Полагаю, о подобном лучше знать немногим... Простите, вы наверняка думаете, что я какой-то чудака. Если подумать, вы даже не знаете, с кем имеете дело. Мое имя Генри Фишер, и, видимо, меня можно назвать оккультистом.

– Прошу вас, продолжайте, – попросил Джиллсон. – То, о чем вы говорили, меня заинтересовало.

– То, что я сказал о людях, которые что-то искали? А вы тоже ищете?

– Вряд ли это можно так назвать, хотя у меня с детства имеются кое-какие стойкие убеждения. На самом деле, ничего особенного – просто такая идея, что в действительности все выглядит не так, как нам кажется, и, если бы существовал способ узреть действительность без помощи глаз, она оказалась бы совершенно иной. Чудная выдумка, да?

Когда ответа не последовало, он повернулся. Взгляд Генри Фишера выражал нечто странное: смесь изумления и ликования. Заметив растерянность Джиллсона, он взял себя в руки и заметил:

– Удивлен, что вы об этом сказали. Я давным-давно подумал о том же и довольно часто бывал в шаге от доказательства этой идеи. Понимаете, способ видеть без помощи глаз, даже продолжая ими смотреть, и впрямь существует – но он не только может быть опасным, но еще и требует участия двух людей. Возможно, было бы интересно попытаться... Но мне пора выходить.

Они остановились перед многоквартирным домом. За деревьями, с которых капала вода, асфальтированная дорожка тянулась туда, где вздымались вверх окна, выкрашенные в желтый и черный цвет.

– Я живу на первом этаже, – сообщил Фишер, покидая такси и расплачиваясь с водителем.

Джиллсон опустил стекло.

– Погодите-ка, – сказал он. – Вы же это всерьез говорили... про возможность увидеть мир таким, какой он на са-

мом деле?

– Вам интересно? – Фишер наклонился и заглянул внутрь такси. – Помните, я говорил, что это может быть опасно?

– Я не возражаю, – ответил Джиллсон, открывая дверь и покидая машину. Он махнул водителю, чтобы тот уезжал, и пока они с Фишером стояли и смотрели, как удаляются красные габаритные огни, вспомнил, что оставил книгу на заднем сиденье.

Хотя с деревьев все еще капало, дождь прекратился. Двое мужчин шли по дорожке, и вокруг них метался ветер, который как будто прилетел с морозных звезд. Кевин Джиллсон был рад, когда они закрыли за собой стеклянные двери и вошли в холл, оклеенный обоями в цветочек. Лестница вела наверх, к другим квартирам, но Фишер повернул налево, к двери со стеклянными панелями.

Джиллсон на самом деле не ожидал ничего особенного, но увиденное его поразило. Он попал в обычную гостиную с современной мебелью, обоями в стиле модерн, электрическим камином, однако кое-какие предметы в ней были воистину необыкновенными. Причудливую атмосферу создавали репродукции картин Босха, Кларка Эштона Смита и Дали, дополненные эзотерическими книгами, занимавшими книжный шкаф в углу. Но их, по крайней мере, можно было найти и в других местах; а вот кое-что здесь он никогда раньше не видел. Джиллсон понятия не имел, что за предмет, похожий на яйцо, лежит на столе в центре комнаты, из-

давая странный прерывистый свист. Не узнал он и задрапированных тканью очертаний на подставке в углу.

– Возможно, следовало вас предупредить, – вмешался Фишер. – Полагаю, это не совсем соответствует вашим ожиданиям. Так или иначе, присаживайтесь, а я принесу кофе и кое-что объясню. И давайте включим магнитофон – хочу, чтобы чуть позже он был готов записать ход нашего эксперимента.

Фишер отправился на кухню и загремел посудой. Сквозь лязг Джиллсон услышал его голос:

– Знаете, я был необычным ребенком – весьма чувствительным, но с удивительно крепкими нервами. Как-то раз увидел в церкви горгулью, и мне несколько раз снилось, что она меня преследует, но однажды, когда возле нашего дома сбили пса, все соседи заметили, как я пожирал его глазами. Родители вызвали врача, и он заявил, что «ввиду хрупкого здоровья такого ребенка следует беречь от всего, что могло бы на него повлиять». Можно подумать, это было им по плечу!

Что ж, идея пришла мне на ум еще в средней школе – на самом деле, на уроке естествознания. Однажды мы изучали устройство глаза, и я задумался. Чем больше я смотрел на схему, где изображались сетчатка, стекловидное тело и хрусталик, тем больше убеждался, что все, увиденное нами через такую сложную систему, непременно будет как-то искажено. Можно, конечно, утверждать, что формирующееся на

сетчатке изображение – всего лишь картинка, и искажений в ней не больше, чем в полученной при помощи телескопа. Я считаю такую точку зрения несерьезной. Я чуть было не встал и не высказал учителю все, о чем думал, но сообразил, что меня высмеют.

Я не слишком об этом задумывался, пока не поступил в университет. Как-то разговорился с одним студентом – его звали Тейлор – и не успел опомниться, как присоединился к ведьминскому культу. Это были не какие-нибудь голые декаденты, а те, кто действительно знал, как черпать силу из природных стихий. Я мог бы вам многое рассказать о том, чем мы занимались, но кое-что пришлось бы слишком долго объяснять. Сегодня я хочу попробовать провести эксперимент, но, возможно, затем поведаю о том, что мне известно. Например, для чего годятся неиспользуемые части мозга и что похоронено на кладбище недалеко отсюда...

Так или иначе, через некоторое время после того, как я присоединился к культу, он был раскрыт, и всех исключили. К счастью, на том собрании, за которым следили, меня не было, так что я остался. Более того, кое-кто из них решил полностью отказаться от колдовства, и я убедил одного отдать мне все свои книги. Среди них были «Откровения Гла-аки», и именно там я прочитал о процессе, который хочу попробовать сегодня вечером. Я прочитал вот об этом.

Фишер вошел в гостиную с подносом, на котором стояли две чашки и кофейник. Он пересек комнату, приблизился к

предмету на подставке и – Джиллсон подался вперед – снял прикрывавшую его ткань.

Кевин Джиллсон сумел лишь вытаращить глаза. Предмет не был бесформенным, но оказался настолько сложной конструкцией, что ее очертания было невозможно описать. Она состояла из каких-то полусфер и шутоквин из сияющего металла, все они соединялись длинными пластиковыми стержнями. Те были тусклого серого цвета, и Джиллсон не понимал, какие расположены ближе, а какие – дальше; они сливались в плоскую массу, из которой торчали отдельно стоящие цилиндры. Пока Джиллсон смотрел на это устройство, у него возникло странное чувство, что между стержнями поблескивают глаза; но стоило приглядеться к конструкции внимательней, как он видел в промежутках лишь пустоту. Самым странным казалось то, что он чувствовал: это изображение чего-то живого – чего-то из измерения, в котором мог обитать подобный образец аномальной геометрии. Повернувшись, чтобы заговорить с Фишером, он заметил краем глаза, как предмет на подставке увеличился и занял часть комнаты – но, стоило опять сосредоточиться на нем, как выяснилось, что размер, конечно, остался прежним. Точнее, ему так показалось... но Джиллсон уже не был уверен в том, насколько высокой эта шутоквина была изначально.

– Я так понимаю, вы осознали иллюзию размера? – Фишер заметил его растерянность. – Все дело в том, что перед вами лишь трехмерная проекция подлинного объекта – разумеет-

ся, в своем родном измерении он выглядит совсем не так.

– Но что же это? – нетерпеливо спросил Джилл-сон.

– Это, – сказал Фишер, – изображение Даолота – Разрывающего Завесы.

Он вернулся к столику, на который поставил поднос. Налив кофе, передал чашку Джиллсону, который затем проговорил:

– Вам придется мне все объяснить через минуту, но сперва скажу, о чем я думал, пока вы были не здесь.

Я бы сказал раньше, но не хотелось разговаривать через стену. Можно, конечно, утверждать, что увиденное нами искажено – допустим, этот стол на самом деле вовсе не прямоугольный и не плоский. Но когда я прикасаюсь к нему, то чувствую плоскую прямоугольную поверхность – как вы это объясните?

– Простая тактильная галлюцинация, – ответил Фишер. – Вот почему я говорю, что задуманное может быть опасно. Понимаете, вы на самом деле не ощущаете плоскую прямоугольную поверхность – но поскольку вы ее такой зрите, разум вас обманывает, вынуждая думать, что осязаемое соответствует увиденному. Иной раз я задаюсь вопросом, для чего разум создает такую систему заблуждений? Может, если мы увидим себя такими, какие есть на самом деле, это будет перебор?

– Слушайте, вы хотите увидеть истинную сторону вещей, – парировал Джиллсон. – И я хочу того же. Ради бога,

не пытайтесь отговорить меня сейчас, когда заинтересовали. Вы назвали эту штуку «Даолотом»... что означает это слово?

— Что ж, вынужден начать издалека — вам может показаться, что я отклонился от темы, — извиняющимся тоном произнес Фишер. — Вы поглядываете на ту желтую яйцеобразную вещичку с тех пор, как вошли — вы читали про них в «Некрономиконе». Помните о кристаллизаторах сновидений? Вот один из них — устройство, которое во сне переносит вас в другие измерения. К этому нужно немного привыкнуть, но за несколько лет я сумел проникнуть почти в каждое измерение, вплоть до двадцать пятого. Если бы я только мог объяснить, что чувствовал на том последнем плане бытия, где существует лишь пространство, а материя существовать не может! Кстати, не спрашивайте, где я взял кристаллизатор — пока не буду уверен, что его хранитель до меня не доберется, не стану рассказывать, что к чему. Ладно, проехали.

После того, как я прочитал в «Откровениях Глааки» о том, как доказать мою идею, то решил сам проверить устройство, что собрался применить. В основном действовал методом проб и ошибок; и вот наконец-то однажды ночью материализовался в месте, где еще никогда не бывал. Я увидел стены и колонны — такие высокие, что не разглядеть, где они заканчивались, — а посередине пола от стены к стене тянулась огромная неровная трещина, словно после землетрясения. Пока я наблюдал, очертания трещины потускнели и расплылись, и нечто поднялось из нее. Я вам уже сказал,

что этот образ совсем не похож на то, что можно узреть в его собственном измерении – ну, я видел живой прототип, и вы поймете, если я не стану пытаться его описать. Он на миг застыл, покачиваясь, а затем начал расти. Он бы меня поглотил через считанные минуты, но я не стал этого дожидаться. Сбежал, петляя между колоннами.

Уйти далеко мне не удалось: путь мне преградила группа мужчин. На них были металлические одеяния с капюшонами, они несли маленькие подобия того, что мне открылось, а потому я понял – это были его жрецы. Идущий первым спросил, зачем я пришел в их мир, и я объяснил, что уповаю на помощь Даолота, ибо желаю узреть сокровенное завесами. Они переглянулись, а потом один из них передал мне образ, который нес. «Тебе это понадобится, – сказал он. – Послужит связующим звеном, и в своем мире ты ничего подобного не найдешь». Затем все сгнуло, а я очнулся в постели – и обнаружил, что держу в руках ту самую штуковину, которую вы видите на подставке.

– Но вы же мне ничего не... – начал Джиллсон.

– Я как раз подхожу к этому. Теперь вы знаете, откуда у меня эта штуковина. Наверное, вы задаетесь вопросом, как она связана с сегодняшним экспериментом и что собой представляет Даолот?

Даолот – это бог, вездомный бог. Ему поклонялись в Атлантиде, где он был богом астрологов. Полагаю, именно там установился способ поклонения ему на Земле: его нельзя ви-

деть, ибо взгляд пытается отследить все изгибы его тела, а это ведет к безумию. Вот почему во время его призыва не должно быть света – когда мы обратимся к нему позже, этой же ночью, придется выключить все лампы. Его копия, которую вы видите перед собой, намеренно неточная; иначе нельзя.

Что касается того, почему мы вызываем именно Даолота, то на Юготе и Тонде он известен как Разрывающий Завесы, и этот титул весьма многозначный. Там его жрецы не просто могут видеть прошлое и будущее – они видят и то, каким образом объекты проецируются в последнее измерение. Вот почему, если мы его призовем и удержим в Пентаграмме Планов Бытия, сможем заручиться его помощью в устранении искажений. И это, пожалуй, все объяснение, какое я способен предоставить. Уже почти половина третьего, и мы должны быть готовы к без четверти четыре; тогда-то прорехи и выстроятся в ряд... Конечно, если не хотите продолжать, пожалуйста, скажите прямо сейчас. Я не хочу готовить ритуал впустую.

– Я остаюсь, – ответил Джиллсон, однако взглянул на образ Даолота с некоторым беспокойством.

– Ладно. В таком случае, поможете мне?

Фишер открыл чулан рядом с книжным шкафом. Джиллсон увидел несколько больших ящиков, аккуратно сложенных и помеченных нарисованными символами. Он поднял один, а Фишер вытащил из-под него другой. Закрывая дверь,

Джиллсон услышал, как его напарник поднимает крышку; когда он повернулся, Фишер уже раскладывал содержимое на полу. На свет явилась совокупность пластиковых плоскостей, которые были собраны в искаженную полутвердую пентаграмму; за ними последовали две черные свечи, чьи очертания смутно напоминали нечто непристойное, металлический стержень со статуэткой и череп. Последний встревожил Джиллсона; в нем были просверлены дырки для свечей, и все-таки по форме и отсутствию рта он сделал вывод, что принадлежал он не человеку.

Фишер начал раскладывать предметы. Сперва оттащил стулья и столы к стенам, потом передвинул пентаграмму в центр комнаты. Когда он поместил внутрь нее череп, теперь уже со свечами, и зажег их, стоявший позади Джиллсон спросил:

– Вы же говорили, что света быть не должно?

– Не волнуйтесь, они ничего не осветят, – объяснил Фишер. – Когда явится Даолот, он поглотит их свет – это облегчит выстраивание отверстий в один ряд.

Выключая верхний свет, он бросил через плечо:

– Бог появится внутри пентаграммы, и его плотное трехмерное воплощение останется там на все время визита. Однако он будет засылать в комнату двухмерные отростки, и вы можете почувствовать прикосновение, так что не бойтесь. Понимаете, ему понадобится толика нашей крови.

Его рука приблизилась к выключателю.

– Что?! Вы ничего не говорили о...

– Все в порядке, – заверил Фишер. – Он берет кровь у любого, кто позовет; похоже, это его способ проверить намерения. Чуть-чуть. Он возьмет от меня больше, потому что я жрец, а вы здесь только для того, чтобы я мог воспользоваться вашей жизненной силой и проложить ему путь. Конечно, это не причинит никакого вреда.

И, не дожидаясь новых протестов, он выключил свет.

За окном горела неоновая вывеска автосервиса, но сквозь занавески почти не проникал свет. Черные свечи тоже были очень тусклыми, и Джиллсон со своего места у книжного шкафа не мог разглядеть ничего, кроме пентаграммы. Он был потрясен, когда хозяин дома швырнул жезл со статуэткой на пол и начал истерически кричать:

– Утгос плам'ф Даолот асгу'и – приди, о Ты, кто раздвигает завесы зрения и показывает реальность за их пределами!

Он еще много чего сказал, но Джиллсон не прислушивался. Он наблюдал за светящимся туманом, который, казалось, сочился от него и Фишера по дугообразной траектории, проникая в деформированный череп в пентаграмме. К концу заклипания вокруг двух мужчин и черепа проступила отчетливая аура. Джиллсон наблюдал за происходящим, как зачарованный, и тут Фишер замолчал.

С минуту ничего не происходило. Затем туманные арки исчезли, и остались только огоньки свечей; но теперь они горели ярче, окруженные аурой. Пока Джиллсон смотрел на

них, два огонька начали тускнеть и внезапно погасли. На миг показалось, что их сменило черное пламя – что-то вроде негативного огня – и так же быстро погасло. В тот же миг Джиллсон понял, что они с Фишером в комнате не одни.

Джиллсон услышал сухой шелест, исходящий от пентаграммы, и почувствовал, как там что-то шевелится. Тотчас же его окружили. Сухие, невероятно легкие предметы дотрагивались до его лица, и что-то скользнуло в рот. Ни к одному месту на его теле не прикасались достаточно долго, чтобы он смог понять, что именно его ощупывало; все закончилось так быстро, что он скорее запомнил, чем почувствовал прикосновение щупалец. Но когда в центре комнаты опять зашуршало, он ощутил во рту соленый привкус и понял, что щупальце, проникшее туда, пустило ему кровь.

Сквозь шелест донесся громкий голос Фишера:

– Теперь Ты вкусил нашей крови, наши намерения известны Тебе. Пентаграмма Планов Бытия будет удерживать Тебя, пока ты не исполнишь наше желание – разорвешь завесу веры и покажешь реальность без покровов. Сделаешь ли Ты то, о чем Тебя просят, чтобы тем самым проявить свою мощь?

Шелест усилился. Джиллсону хотелось, чтобы ритуал поскорее завершился; его глаза постепенно привыкали к свечению от вывески автомастерской, и он уже почти мог различить слабое шевеление во тьме внутри пентаграммы.

Внезапно раздался резкий, нестройный металлический скрежет, и все здание содрогнулось. Звук сменился тиши-

ной, и Джиллсон понял, что обитатель пентаграммы ушел. В комнате все еще было темно; свет свечей не вернулся, и его взгляд по-прежнему не мог проникнуть сквозь мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.